

зика; химия; минералогия и геология; ботаника; зоология, сравнительная анатомия и физиология; технология и техническая химия; агрономия; география и этнография; физическая география. Сверх того студентам преподавались: богословие; анатомия здорового человека; антропология (на естественном отделении).

Практически в такой же структуре факультет сохранился вплоть до 1922 г., когда И.Г.Петровский после четырехлетнего перерыва восстановился в числе его студентов.

Наиболее заметным изменением, помимо формирования ряда новых кафедр, стала организация в 1921 г. отделения химии со специальностями: неорганическая, органическая, физическая, биологическая, аналитическая, агрономическая, техническая химия и радиоактивные вещества. В 1929 г. на базе этого отделения в Московском университете был организован химический факультет.

Вторая встреча И.Г.Петровского с Московским университетом протянулась на всю жизнь.

«Заинтересовавшись математикой, я решил в 22 г. перейти из естественного отделения МГУ на математическое и обратился с соответствующим ходатайством в математическую предметную комиссию. Ее секретарь В.А.Костицин, взглянув на мою «пустую» зачетную книжку, заявил мне: «Я не хочу продлить время Вашего ничегонеделания». Когда же я ему рассказал, какие математические книги я читал, он сказал: «Обратитесь к председателю комиссии Болеславу Корнелиевичу Млодзеевскому». Было известно, что Болеслав Корнелиевич человек добрый и не отказывает»⁴⁴. Профессор Б.К.Млодзеевский в записке от 16 сентября 1922 г. писал: «Со стороны предметной комиссии по математике не встречается препятствий к переводу И.Г.Петровского на математическое отделение физико-математического факультета». И.Г.Петровский стал студентом 1-го МГУ⁴⁵. Ровно через месяц после поступления Ивану Георгиевичу дали общежитие (16 октября) в селе Покровское-Стрешнево⁴⁶. «Я стал студентом математического отделения. Мне лично слушание лекций не давало многого. Среди книг, оказавших влияние на мое математическое развитие в студенческие годы, назову в первую очередь прекрасный курс анализа Валле-Пуссена»⁴⁷.

18 июля 1927 г. Иван Георгиевич окончил математическое отделение физико-математического факультета по специальности «Прикладная математика»⁴⁸.

С 1 октября 1927 г. Иван Георгиевич становится аспирантом Научно-исследовательского института математики и механики 1-го МГУ. В 1930 г. он под руководством Д.Ф.Егорова окончил аспирантуру⁴⁹.

В первой половине 30-х годов, в связи с быстрым ростом приема, в вузах образовалась острая нехватка преподавательских и научных кадров. Число университетских преподавателей-совместителей в отдельные годы доходило до 80%.

Учебу с работой в те годы совмещали практически все студенты, аспиранты и преподаватели. Иван Георгиевич не являлся исключением. Одновременно он работает в разных местах. Но документов, отражающих его трудовую деятельность, мало, они разрознены. Кроме того, за небольшой срок своего существования первые советские учреждения меняли не один раз свои названия. Все это очень усложняет точную датировку.

Он состоял преподавателем математики и физики на подготовительных курсах МГСПС (Московского губернского совета профессиональных союзов. – Е.И.) при 1-м МГУ (июль–сентябрь 1923 г.)⁵⁰; в 1926–1929 гг. по совместительству работал преподавателем математики Сокольнического рабочего университета⁵¹; в 1923–1926 гг. – преподает математику в V–VII классах средней школы №16 Бауманского района г. Москвы⁵². В феврале 1929 г. состоял «на службе в Московском высшем техническом училище Высшего Совета Народного Хозяйства в должности преподавателя»⁵³. В некоторых автобиографиях и личной карточке 1929 год указан одновременно и как год начала работы в Московском университете в должности ассистента или сверхштатного ассистента⁵⁴. Но чаще годом начала работы в МГУ называется 1930 г.: «В 1930 г. начал педагогическую работу в МГУ, сначала в должности ассистента, потом доцента физико-механического факультета 1 МГУ»⁵⁵.

И.Г.Петровский выезжает в другие города. В ноябре 1933 г. занимает должность профессора математики в Днепропетровском государственном университете⁵⁶, в 1936/37 учебном году в первый раз читает новый курс по теории обыкновенных дифференциальных уравнений в Саратовском университете⁵⁷.

Трудовая книжка, выданная Петровскому в 1939 г., отмечает, что 10-летний трудовой стаж подтвержден справками⁵⁸. В личных листках по учету кадров, заполненных в разное время, за этот период указаны постоянно лишь три места работы: дворником, преподавателем рабфака искусств и профессором Московского машиностроительного института.

Дворником (техническим рабочим) детского дома №4 Сокольнического района И.Г.Петровский был в 1922–1923 гг.⁵⁹ Работал на этом месте недолго: 6 марта 1923 г. врачебно-контрольная комиссия удостоверяет: «Гражданин Петровский Иван страдает пороком сердца и нуждается в переводе на работу, не требующую большого физического напряжения»⁶⁰.

Другая запись: И.Г.Петровский «состоял в должности преподавателя математики на Рабфаке искусств с сентября 1923 г. по февраль 1930 г. За это время тов. Петровский обнаружил себя как знающий свое дело и хороший методист-преподаватель. Тов. Петровский отличался большой аккуратностью и требовательностью, как к себе, так и к обучающимся у него слушателям. Среди слушателей и своих товарищей по работе пользовался большим авторитетом. Оставил работу на рабфаке ввиду перегруженности работой в МВТУ»⁶¹.

С 1930 г. И.Г.Петровский занимает должности: доцента (1930), заведующего кафедрой (1931), профессора (1933) по кафедре математики Московского машиностроительного института Наркомата тяжелого машиностроения⁶². За «ударную работу по руководству технической учебной хозяйственников, обеспечившую хорошее качество усвоения и сдачу в срок технического минимума руководящими кадрами тяжелой промышленности», в 1936 г. зам. наркома тяжелой промышленности М.М.Каганович объявил И.Г.Петровскому благодарность⁶³.

дентом АН СССР между высшими партийными, государственными и академическими кругами достигается согласие по кандидатуре И.Г.Петровского о назначении его на должность ректора, которую он и занял в 1951 году.

И.Г.ПЕТРОВСКИЙ – СТУДЕНТ, АСПИРАНТ

В сентябре 1922 года Иван Георгиевич Петровский зачисляется студентом математического отделения физико-математического факультета 1-го МГУ. Он окончил полный курс обучения в июле 1927 г. С октября 1927 г. по октябрь 1930 г. И.Г.Петровский учится в аспирантуре Научно-исследовательского института математики и механики при физико-математическом факультете под научным руководством профессора Дмитрия Федоровича Егорова.

О студенческих и аспирантских годах жизни Ивана Георгиевича Петровского известно немного. Больше исследовательского материала относится к первым годам его преподавательской и научной деятельности.

Из твердо установленных, документированных событий и фактов студенческой жизни И.Г.Петровского можно выделить следующие. Восстановление на физико-математическом факультете (1922). Женитьба на Ольге Афанасьевне Корнилаевой (1923), студентке биологического отделения физико-математического факультета. Выступление на Всероссийском математическом съезде⁴ (1927). Окончание Московского университета (1927).

ИЗ СВИДЕТЕЛЬСТВА №2282 ОБ ОКОНЧАНИИ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА 1 МГУ

г. Москва, 18 июля 1927 г.

Выдано настоящее свидетельство гражданину ПЕТРОВСКОМУ Ивану Георгиевичу, родившемуся 1901 года Января месяца 6 числа в г. Севске, в том что, поступив в 1922 году в 1-й Московский государственный университет, он окончил в нем курс в 1927 году по математическому отделению физико-математического факультета, по циклу математики по специальности «Прикладная математика».

За время пребывания в 1-м Московском Государственном университете им были прослушаны теоретические курсы и выполнены практические занятия по дисциплинам, перечисленным на обороте настоящего свидетельства.

В мае месяце 1927 года гражданин Петровский Иван Георгиевич подвергался испытаниям в Государственной Квалификационной Комиссии и защитил квалификационную работу на тему: «О задаче Дирихле» – под руководством проф. Д.Ф.Егорова – весьма удовлетворительно, что подписями и приложением печати удостоверяется...

Архив МГУ, ф. 260, оп. 1, ед. хр. 2

К свидетельству об окончании университета имеется Приложение следующего содержания: «Означенный в сем свидетельстве гр. Иван Георгиевич Петровский, как получивший стипендию с 1 окт. 1923 г. по 1 окт. 1924 г. и с 1 окт. 1925 г. по 1 мая 1927 г., подлежит действию постановления Совнаркома РСФСР от 24.III–1926 г. о порядке возмещения расходов, понесенных Государством на содержание стипендиатов учебных заведений. По выполнении означенным

гр. Петровским всех обязательств по указанному декрету на свидетельстве его должна быть сделана надлежащим учреждением соответствующая надпись».

Кстати говоря, плата за обучение была введена в России в 1841 г. Она отменена окончательно в старших классах средней школы, в средних специальных и высших учебных заведениях СССР 1 сентября 1956 г., т.е. уже в бытность И.Г.Петровского ректором МГУ⁵.

Отметок, характеризующих успеваемость, тогда не было. Выполнение теоретических курсов констатировалось словом «Сдано», практических занятий – словом «Зачет». Но если судить по тому, что именно И.Г.Петровский, а не кто-то другой из студентов, приветствовал Всероссийский математический съезд, понятно, что профессора математики физико-математического факультета высоко ценили его чисто научные и академические успехи. 1927 год еще не был тем временем, когда такой чести удостоивались за одни общественные заслуги или по предписаниям партийных и иных органов. Этот факт свидетельствует и об особом (в хорошем смысле) отношении к И.Г.Петровскому его будущего научного руководителя Д.Ф.Егорова, который являлся инициатором и основным организатором съезда. Хотя между ними, видимо, бывали какие-то размолвки. Так, на заседании предметной комиссии по математике 25 ноября 1925 г., председателем которой был Д.Ф.Егоров, он выступил против резолюции, предложенной Петровским, и был поддержан⁶. Однако никаких отрицательных последствий для их взаимоотношений подобные факты, видимо, не имели.

О том, что И.Г.Петровский получил математическую подготовку высокого качества, свидетельствует учебный план, который он освоил и по которому получил «Сдано» и «Зачет».

Этот план включал в себя такие теоретические курсы, как: аналитическая геометрия, введение в анализ, дифференциальное исчисление, высшая алгебра с теорией детерминантов, физика, неорганическая химия, общая астрономия, сферическая тригонометрия, интегральное исчисление, дифференциальная геометрия, механика точки, механика системы, теория вероятностей, сферическая астрономия, интегрирование дифференциальных уравнений, начертательная геометрия, векторный анализ, интегральные уравнения, вариационное исчисление, уравнения с частными производными, введение в историю и философию естествознания, немецкий язык, теория чисел, геофизика, теория аналитических функций, исторический материализм, политическая экономия, Конституция СССР.

Практические занятия предусматривали упражнения по аналитической геометрии, интегральному исчислению, дифференциальной геометрии, механике точки, механике системы, интегрированию дифференциальных уравнений, начертательной геометрии, введению в анализ, дифференциальному исчислению, дифференциальным уравнениям.

Еще одним твердо установленным фактом студенческих лет И.Г.Петровского является его избрание в 1924 г. секретарем предметной комиссии физико-математического факультета.

Именно в связи с работой предметной комиссии по математике в документах Московского университета впервые встречается имя И.Г.Петровского. «Из

протоколов заседания 10 декабря 1924 г. следует, – пишет Ч.Форд, – что Хворостин⁷ был переизбран секретарем Предметной комиссии. На этом же собрании впервые упоминается имя Ивана Георгиевича Петровского... На заседании 11 марта 1925 г. Петровский был избран членом сразу двух подкомитетов, один из которых был призван рассмотреть различные подходы преподавателей и студентов по спорному вопросу о практических и теоретических курсах лекций; эта проблема обсуждалась той весной на ряде заседаний. В следующем учебном году, начиная с заседания 29 сентября 1925 г., Петровский значится секретарем. Официально он был избран секретарем на заседании, проходившем 2 декабря 1925 г.»⁸.

И.Г.Петровский практически во всех своих автобиографиях подтверждает факты своей общественной работы в студенческие годы: «В общественной жизни начал принимать участие со времени студенчества»⁹. «В 1925–1927 годах был секретарем Математической предметной комиссии»¹⁰. «Был председателем бюро секции научных работников при Научно-исследовательском институте математики МГУ»¹¹.

О предметных комиссиях. Еще в ноябре 1918 г. Наркомпрос РСФСР принял постановление о привлечении студентов к участию в управлении вузами. В сентябре 1921 г. вышло «Положение о высших учебных заведениях РСФСР» – первый советский устав высших учебных заведений. Главным структурным нововведением для вузов стали так называемые «предметные комиссии», которые мыслились как основные организационные ячейки учебно-научной и методической работы. По существу эти комиссии должны были заменить собой кафедры (но кафедры не в современном их понимании, а в том виде, в котором они сформировались еще в дореволюционное время. – *Е.И.*). Целью предметных комиссий считалось привлечение преподавателей и широких масс пролетарского студенчества к организации учебной и научной жизни на новой основе, а также ослабление влияния оппозиционной профессуры¹².

В разные годы предметные комиссии возглавляли такие известные профессора университета, как Н.Д.Зелинский, Ф.Н.Крашенинников, В.В.Бунак, А.А.Борзов, И.И.Жегалкин, Г.Ф.Мирчинк, А.В.Раковский, А.П.Павлов (физико-математический факультет), А.И.Абрикосов, П.Б.Ганушкин, П.И.Карузин, Н.А.Семашко (медицинский факультет), В.П.Волгин, Д.Н.Ушаков, В.А.Городцов, М.В.Сергиевский, А.С.Орлов (этнологический факультет), А.Я.Вышинский, М.М.Исаев, М.Н.Гернет, И.С.Перетерский, И.Д.Удальцов, А.А.Пионтковский (факультет советского права)¹³.

Так что место секретаря предметной комиссии, на которую был избран И.Г.Петровский, по тем временам являлось важным и весомым особенно при рассмотрении академических и кадровых вопросов.

Предметные комиссии были упразднены в 1929 г. Их заменили кафедры. Предметные комиссии выполнили свою роль. Они объединили передовую профессуру, преподавателей и студенчество в борьбе с реакционными элементами в университете, они руководили всей методической работой и перестройкой учебного процесса. В новых условиях, когда важнейшей задачей стало повыше-

ние качества подготовки специалистов, появилась возможность и необходимость восстановления кафедральной структуры¹⁴.

В 1929 г. И.Г.Петровский уже аспирант «второго года обучения».

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В 20-х ГОДАХ

В политическом отношении 20-е годы были годами советизации и пролетаризации высшей школы, а также годами решительной борьбы власти с «реакционной (оппозиционной) профессурой», несогласной с этими преобразованиями.

Советизация означала установление над вузами полного контроля со стороны новой государственной власти. Пролетаризация – открытие вузов для представителей беднейших слоев населения, всех тех, кто в условиях самодержавия был по имущественным, сословным, религиозным и прочим причинам законодательно или фактически лишен доступа к высшему образованию. По окончании гражданской войны огромные массы рабоче-крестьянской и солдатской молодежи устремились в вузы, особенно на рабфаки, создав немало проблем с приемом.

Советизация и пролетаризация Московского университета, безусловно, была центральной задачей в огромной программе переустройства высшей школы и науки в стране. Она была в основном решена к исходу 20-х годов.

Сначала был в корне изменен принцип управления университетами. Первым шагом на пути ее решения стало упразднение Наркомпросом традиционной системы управления, состоявшей из Совета университета и выбираемого им ректора. В 1920 г. был учрежден новый орган – Временный президиум Московского университета. 14 ноября 1920 г. председателем Временного президиума был избран профессор-экономист Дмитрий Петрович Боголепов. При Президиуме были образованы две комиссии – учебно-ученая, которую возглавил профессор А.К.Тимирязев (физик, сын К.А.Тимирязева), и административно-хозяйственная под начальством профессора К.П.Яковлева (физик)¹⁵. В истории Московского университета Д.П.Боголепов особенно известен как личной встречей с В.И.Лениным, которая состоялась в конце 1920 г., так и тем, что часто увольнял университетских профессоров лишь за то, что они «старые»¹⁶. Д.П.Боголепов исполнял должность председателя Временного президиума недолго, менее полугода, и 26 мая 1921 г. был заменен профессором В.П.Волгиным.

20-е годы отмечены очень сильным влиянием студенчества на преобразование в университете. Часть студентов-коммунистов и рабфаковцев «выступала с требованиями «решительной ломки» высшей школы. Они предлагали заменить младшие курсы высшей школы рабфаками, закрыть факультеты общественных наук и филологические факультеты, превратить университет в трудовую школу третьей ступени с абсолютно «новыми», но с совершенно неопределенными методами преподавания¹⁷. К середине 20-х годов состав студентов существенно меняется. В приеме 1924 г. выходцы из рабочих и крестьян составляли 70% всех принятых¹⁸. В 1926 г. из 7 527 студентов университета 3 039, или более 40%, были сами рабочими и крестьянами или их детьми¹⁹. В 1929 г. рабоче-крестьянская прослойка увеличилась до 45,8%²⁰.

В.В.Стратонов, бывший в 1920–1922 гг. деканом физико-математического факультета, вспоминает: «Хлынул поток нового студенчества. Каждый, кто достиг 16 лет, мог, на основании декрета, зачисляться студентом. И зачислялись. Наш факультет был особенно запружен этим студенчеством. На факультете числилось 13,5 тыс. студентов. Вероятно, это мировая рекордная цифра студентов для одного факультета. Вместе с тем это составляло половину всего вообще московского студенчества той эпохи... Положение стало тяжким, особенно с преподаванием предметов, нужных и для естественников, и для медиков. Аудитории так переполнились, что иные лекции приходилось читать по два и даже по три раза...»²¹

Профессура, не принявшая ни Советскую власть, ни новые правила приема в Московский университет, начинает действовать. В.В.Стратонов пишет: «Как только управление университетом перешло к возглавлявшемуся Боголеповым правлению, мы решили создать свой нелегальный орган для объединения деятельности профессуры. В него вошли последние выборные члены правления и еще остававшиеся в должностях члены президиумов всех факультетов. Председательствовал бывший последним выборным ректором проф. М.М.Новиков»²².

Соответственно возникает и резко обостряется проблема оппозиционной профессуры. В версиях истории Московского университета, к ней персонально были отнесены «деятели кадетской партии, враги революционного народа, профессора Е.Н.Трубецкой, А.А.Кизеветтер, П.И.Новгородцев, А.А.Мануйлов, Вен.М.Хвостов»²³. Под большим сомнением у Советской власти находился избранный 29 апреля 1917 г. ректором университета профессор зоологии М.А.Мензбир, «программное заявление <которого> гласило, что университет должен стоять «вне политики», высшая школа должна быть автономной и студенческие организации носить академический характер»²⁴. «Типичным представителем реакционной части профессуры был профессор русской истории М.К.Любавский... Октябрьскую революцию <он> оценил как насилие «толпы» над буржуазно-помещичьим миром, который был ему дорог и крушение которого он рассматривал как личную катастрофу. Любавский, Кизеветтер, Стратонов, Костицын и другие реакционеры всячески препятствовали проведению демократизации университета... Они третировали демократическое студенчество, бойкотировали передовых профессоров и преподавателей, ставших на путь сотрудничества с Советской властью, стремились сохранить все косное и затхлое в университетской жизни». Прекрасно понимая, «что направление университетского образования зависит прежде всего от состава профессоров и преподавателей, реакционная часть профессуры стремилась расширить свои позиции в университете. С этой целью на юридический факультет в 1918 г. были приглашены злейшие враги марксизма – С.Н.Прокопович, П.Б.Струве, А.В.Чаянов и др.»²⁵ Эта часть профессуры Московского университета использовала все средства, чтобы затруднить перестройку университета, пыталась не допускать на научно-педагогическую работу ученых-марксистов, задерживала конкурсные объявления на замещение должностей. В 1919 г. был забаллотирован при перевыборах профессор-коммунист П.К.Штернберг²⁶. Среди преподавателей ФОНа оставались и активно действовали представители либе-

ральной и реакционной профессуры... С.А.Котляревский, С.Л.Франк, А.М.Винавер и др.²⁷ «С марта 1919 и до июня 1920 г. ректором университета был кадет М.М.Новиков. Председателем первого президиума факультета общественных наук с июня 1919 г. стал кадет А.А.Винавер; физико-математический факультет возглавлял В.В.Стратонов»²⁸. «Возглавляя первое время ФОН, Винавер выступал против привлечения новых сил на факультет, против включения в учебные планы курсов, рекомендованных Наркомпросом»²⁹.

Дальнейшая судьба этих профессоров сложилась по-разному.

Несколько человек были высланы за границу. «В последний день сентября 1922 г., – пишет В.В.Стратонов, – германский пароход «Обербюргермейстер Гакен» увозил из Петрограда в Штеттин наполнившую все судно группу высланных из Москвы, вместе с их семьями. Из профессоров собственно Московского университета были высланы: А.Л.Байков, Н.А.Бердяев, И.А.Ильин, А.А.Кизеветтер, М.М.Новиков, С.Л.Франк и В.В.Стратонов»³⁰.

Другая часть профессоров «под непрерывной угрозой потери места, а следовательно голода... оказалась вынужденной изучать Маркса... Но до того времени можно было, уйдя глубоко в себя, отводить душу в преподавательской и научной работе. Так поступала в массе профессура, более преклонная по возрасту»³¹.

Третьи, как, например, М.А.Мензбир, под влиянием новой политической обстановки перешли на позиции лояльности и сотрудничества с Советской властью, заняли высокие места в научно-педагогических кругах. Михаил Александрович Мензбир был избран в 1929 г. академиком АН СССР.

Но параллельно борьбе с оппозиционной профессурой Советская власть ведет энергичную борьбу за формирование молодого поколения профессоров. К успеху в этом у власти были серьезные предпосылки. Более молодой университетский персонал, отмечает В.В.Стратонов, «еще живо помнил о тяготившем их, иногда слишком генеральском, отношении к ассистентам, лаборантам и пр. со стороны профессоров, возглавлявших кафедры; от этого молодежь теперь фактически была освобождена. А затем – молодые приват-доценты, не менее как с трехлетним преподавательским стажем, сами автоматически стали профессорами. И вся университетская преподавательская молодежь (ассистенты, лаборанты и пр.) приобрела не только равенство голоса с профессурой, но и почти равное материальное обеспечение. Кто же, в тайниках души, озлобится из-за увеличения своих прав. Маятник качнулся в другую сторону... По всем этим причинам молодой преподавательский персонал более мирился с новым режимом в Московском университете, чем пожилые их коллеги»³².

Яркий пример такого рода мы видим в НИИ математики и механики, где часть молодых преподавателей добилась увольнения с должности директора Д.Ф.Егорова. Но об этом случае, безусловно, наложившем свой отпечаток на личность И.Г.Петровского, ниже.

Так или иначе, к концу 20-х годов Московский университет мало чем напоминал дореволюционный. Уже почти полных 10 лет он выпускал специалистов, поступивших и окончивших его при Советской власти.

Наиболее заметными были позитивные подвижки в естественнонаучном секторе университета. Он динамично разворачивался в сторону усиления научной составляющей в подготовке студентов, увеличению числа аспирантов.

До 1921 г. физико-математический факультет состоял из двух отделений – математического и естественного. В 1921 г. было создано химическое отделение, а в 1923 г. – геолого-географическое. Если до 1922 г. при университете работали лишь два научных института – агрономический и сравнительной анатомии, то затем при физико-математическом факультете были организованы 12 научно-исследовательских институтов: математики и механики; физики и кристаллографии; минералогии и петрографии; геологический; астрономо-геодезический; зоологии; ботаники; почвенный; географический; химический; геофизический; антропологии. Научно-исследовательские институты имели своей задачей организацию научных исследований в соответствующей области знания; изучение с научной точки зрения вопросов, вызываемых государственными потребностями; подготовку научных работников; популяризацию научных знаний³³. В 1922–23 учебном году были пересмотрены учебные планы на физико-математическом факультете: вводились или расширялись дисциплины, сближающие теоретическое образование в университете с инженерной подготовкой (сопротивление материалов, теория колебаний, гидравлика, теория упругости). В 1924 г. на основе кабинета механики были созданы две лаборатории: аэродинамическая и гидравлическая. В начале 20-х гг. О.Ю.Шмидт организовал семинар по теории групп. В 1925–26 учебном году были поставлены новые семинары В.Ф.Кагана по многомерной и тензорной дифференциальной геометрии, А.Я.Хинчина – по общей теории чисел, П.С.Александрова – по топологии³⁴.

Можно с достаточной степенью достоверности утверждать, что именно эти преобразования и нововведения позволили Московскому университету создать такой запас прочности, который помог ему устоять перед самыми разрушительными ударами, обрушившимися на него в 1929–1930 гг. Тогда ректором МГУ был И.Д.Удальцов.

РЕКТОР ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ ВОЛГИН

Когда в 1922 г. И.Г.Петровский вернулся в Московский университет как студент отделения математики физико-математического факультета, МГУ уже больше года возглавлял новый ректор – профессор истории В.П.Волгин³⁵.

Жизнь распорядилась так, что этим двум ректорам Московского университета – В.П.Волгину и И.Г.Петровскому – еще доведется в течение 5 лет поработать вместе в одном и том же составе Президиума АН СССР с 1949 по 1953 г.

А пока...

К концу 1922 г. вопрос об установлении Советской власти в Московском университете был разрешен в ее пользу и политические страсти первых послереволюционных лет в значительной мере поутихли. Была в основном разрешена проблема со «старой» профессурой. До следующей коллизии – открытой схватки внутри самой новой власти между ее разными партийными «уклонами», в пер-

вую очередь между сторонниками Сталина и «троцкистами», оставалось еще несколько лет.

Кульминацией борьбы Правления МГУ во главе с В.П.Волгиным за власть в университете стал провал попытки оппозиционной профессуры организовать в нем забастовку.

В январе 1922 г. руководством физико-математического факультета во главе с деканом В.В.Стратоновым было проведено общее собрание факультета, на котором была принята резолюция о прекращении занятий в университете. «Собралось 400–500 профессоров и преподавателей (в собрании принимали участие преподаватели не только Московского университета, но и других вузов. – *Е.И.*), – пишет В.В.Стратонов. – Я объяснил, что факультет прибег к такой исключительной мере, как забастовка, потому что и время настало исключительное. Теперь слышат только тех, кто громко говорить умеет, а слушают только тех, кто громко говорить смеет. Мы громко поднимаем наш голос, потому что нуждой и жизнью впроголодь доведены до невозможности вести преподавание. Среднее содержание профессора составляет ныне около двадцати пяти рублей в месяц. В нашей забастовке политический момент исключен... От имени факультета я просил бы выявить свое отношение к нашему шагу... Недолгие, но страстные прения. Были голоса и против забастовки... Возражал и ректор Волгин, убеждая нас лучше обратиться с ходатайством по начальству... Но большинство участников собрания слилось в один голос, в жалобу на нестерпимую материальную нужду. Один из профессоров, ударив рукой по скамье, воскликнул:

– Не двадцать пять! Двести пятьдесят рублей в месяц!

Гром аплодисментов. Другие находили эту цифру по современным условиям преувеличенной. Однако все признавали настоящее положение нестерпимым. Приступили к голосованию. И подавляющее большинство высказалось за все-университетскую забастовку»³⁶.

Правление университета отменило эту резолюцию, заверив преподавателей в том, что вопросы с зарплатой будут урегулированы. Вскоре правительство, действительно, резко повысило профессорскую зарплату. А для инициаторов забастовки наступило 18 августа: «Обыск. Арест... Отвозят на грузовиках в знаменитую внутреннюю тюрьму ГПУ на Лубянке... Всем нам предъявлено одно и то же, еще до ареста и довольно нелепо составленное обвинение. Оказывается, мы все огулом виновны в контрреволюционной деятельности вообще... Ряд бесцельных ночных допросов у следователя. Бесцельных, – ибо наша судьба уже наперед предрешена: – Высылка профессоров и писателей за границу!»³⁷.

После этого события каких-либо новых попыток создания политической оппозиции со стороны профессуры больше не отмечалось. Все чаще в оборот входят слова «старая профессура», подчеркивающие скорее возрастную сторону, нежели неприятие ее представителями Советской власти. В этой политической победе, как представляется, главный итог и главный смысл 4-летнего ректорства В.П.Волгина.

Но для студента И.Г.Петровского все это было «до него» и звучало эхом отшумевших сражений, в которых он не участвовал. Зато перед его глазами были энергичные действия ректора по развитию университета. В.П.Волгин оператив-

но создает при физико-математическом факультете МГУ целую систему научно-исследовательских институтов, открывает в 1924 г. клинику профессиональных болезней на медицинском факультете и студенческий клуб, сооружает перед зданием университета памятники А.И.Герцену и Н.П.Огареву³⁸.

Одновременно В.П.Волгин демонстрирует силу воли и упорство, не позволяя фрондирующим студентам и части преподавателей, открыто поддерживаемых некоторыми руководителям Наркомпроса РСФСР из числа «левых коммунистов», вести дело к демонтажу основных структур университета.

Приняв при вступлении 26 мая 1921 г. в должность ректора Московский университет в составе физико-математического, медицинского, рабочего факультетов и факультета общественных наук, В.П.Волгин сохранил его в таком же виде до 16 мая 1925 г. – последнего дня своего пребывания на посту ректора и одновременно дня назначения на эту должность А.Я.Вышинского.

Поэтому, видимо, нельзя считать случайным, что на следующий день после назначения Вышинского ректором университета, т.е. 17 мая 1925 г., было объявлено решение СНК РСФСР о ликвидации ФОНа и организации на его основе двух новых гуманитарных факультетов: этнологического (с отделениями историко-археологическим, этнографическим, литературы и изобразительных искусств) и факультета советского права (с судебным, хозяйственно-правовым, государственно-административным и международным отделениями)³⁹.

Бывший ректор В.П.Волгин был переведен на должность декана этнологического факультета⁴⁰.

А у И.Г.Петровского впереди еще 2 студенческих года.

РЕКТОР АНДРЕЙ ЯНУАРЬЕВИЧ ВЫШИНСКИЙ

Имя А.Я.Вышинского тогда мало кому было известно и общественности ни о чем практически не говорило. Он – обычный рядовой преподаватель рабфака и только.

Вышинский выйдет на большую политическую арену только летом 1928 года, выступив в качестве председательствующего на заседании Специального судебного присутствия Верховного суда СССР по «Шахтинскому делу».

А до того три с лишним года – с 16 мая 1925 г. по 1 сентября 1928 г. – А.Я.Вышинский – ректор 1 МГУ. В марте 1927 г. он был избран ректором во второй раз. При Вышинском проректорами работали профессора М.М.Филатов и Г.Ф.Мирчинк. Членом Правления университета был профессор А.И.Абрикосов, кандидатом в члены Правления – И.Д.Удальцов⁴¹.

Каким образом А.Я.Вышинский оказался на этой должности, кто его выдвигал и кто поддерживал (так же, как потом и В.Н.Касаткина) – имея в виду его последующую служебную карьеру в органах прокуратуры и юстиции, министерстве иностранных дел СССР – неизвестно: архивных документов на этот счет пока не найдено или их вообще нет. Однако некоторые факты позволяют пролить определенный свет на мотивы такого назначения А.Я.Вышинского.

Он сменил на посту ректора В.П.Волгина в тот момент, когда начала разворачиваться борьба с троцкистами. В этой борьбе особая роль отводилась ФОНу,

в президиуме которого был и Вышинский. «Партийная ячейка литературно-художественного отделения ФОН, разоблачая сторонников оппозиции, настаивала на чистке партийных рядов и требовала исключения из партии троцкистов»⁴². О том, какое значение в этой борьбе руководство ЦК РКП(б) придавало Московскому университету, видно хотя бы из того, что для разъяснительной работы среди студентов в университет направлялись самые видные члены ЦК – М.И.Калинин, В.В.Куйбышев, Е.М.Ярославский и др.

Предстояла решительная схватка со сторонниками Троцкого. А для этого во главе университета должен был стоять ректор, пользующийся особым доверием руководства ЦК партии. В.П.Волгин в то время таковым не являлся.

Д.А.Волгогонов рассказывает, что вскоре после окончания войны Сталин заинтересовался кандидатурами на пост президента АН СССР вместо престарелого и больного В.Л.Комарова. В числе кандидатов рассматривался и В.П.Волгин. В характеристике, составленной на него Народным комиссариатом государственной безопасности (НКГБ СССР), говорилось: «Академик Волгин В.П. – вице-президент. На Волгина есть свыше 20 показаний (Стецкий и др.) как на троцкиста. До сих пор не награжден и не является лауреатом Сталинской премии...»⁴³.

Выбор остановился на Вышинском.

А.Я.Вышинский в 1913 г. окончил юридический факультет Киевского университета. Занимался литературной и преподавательской деятельностью. До вступления в 1920 г. в РСДРП состоял в партии меньшевиков.

В 1919–1920 гг. Вышинский входит в состав Совета рабочего факультета (рабфака) вместе с преподавателями этого факультета А.С.Предводителевым, К.В.Базилевичем, М.М.Поповым, К.Г.Хомяковым и др.⁴⁴ В 1920 г. Отдел высшей школы Наркомпроса утверждает его представителем рабфака в президиуме ФОНа. Вышинский читает на рабфаке курс марксистского учения о праве и государстве. Им составлена объяснительная записка к курсу «История социалистической мысли и революционного движения в России в XIX веке»⁴⁵.

Годы ректорства А.Я.Вышинского, хотя это может показаться странным и даже противоестественным, – самые стабильные как по сравнению с предыдущими восемью послереволюционными годами (1917–1924), так и с последующим десятилетием (1929–1937). Не было никаких серьезных политических волнений. После преобразования ФОНа в университете не было проведено никаких других структурных изменений на уровне факультетов. Он продолжал функционировать в составе физико-математического, медицинского, этнологического, рабочего факультетов и факультета советского права.

В академической жизни МГУ появляется стабильность, что позитивно сказывается прежде всего на учебно-научной работе.

В 1926 г. впервые разрабатывается и принимается пятилетний план развития Московского университета. Согласно этому плану предусматривалось капитальное строительство с увеличением площадей университетских зданий на 41,8 тыс. кв. м, капитальный ремонт всех корпусов и общежитий. Был увеличен размер студенческой стипендии, а студенты рабфака стали получать ее все⁴⁶.

В 1927 г. при факультете советского права Московского университета создаются заочные юридические курсы. В дальнейшем эти курсы разовьются (до размеров соизмеримых, а в отдельные годы и больших, чем дневное обучение) в заочное и вечернее отделения для подготовки студентов без отрыва от производства.

В 1927–1928 гг. для улучшения социального состава аспирантуры в высшей школе учреждается институт «студентов-выдвиженцев». А.Я.Вышинский пишет по этому поводу в газете «Первый университет»: «Институт выдвиженчества есть основной рычаг продвижения молодых научных талантов к высотам академического творчества»⁴⁷.

Другим направлением активности А.Я.Вышинского, в бытность ректором, стала организация военной подготовки студентов. Решение о ее введении было принято ЦИК и СНК СССР 20 августа 1926 года⁴⁸. Идея состояла в том, чтобы готовить из студентов командиров, которые, в случае призыва, могли бы назначаться на должности младшего начальствующего состава. Предполагалось, что через некоторое время после приобретения опыта военной работы, в том числе и военно-теоретической подготовки, студенты будут служить командирами среднего начальствующего состава. В сентябре 1926 г. в Московском университете создается военный кабинет, который 1 октября был преобразован в военную кафедру.

В годы ректорства А.Я.Вышинского Московский университет начинает вовлекаться в сферу организации науки и научных исследований. Вместе с академиком А.Н.Бахом (в то время членом коллегии Научно-технического управления Высшего Совета Народного Хозяйства СССР) и академиком А.И.Опариним (директором физико-химического института им. Л.Я.Карпова) Вышинский входит в инициативную группу по созданию «Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству» (ВАРНТИСО). Идея этой Ассоциации заключалась в организации в Москве, где находилось правительство и все высшие партийные органы, «Московского научного центра». АН СССР тогда еще находилась в Ленинграде. Сама по себе эта идея не являлась особенно новой. Она активно обсуждалась среди ученых Москвы, в частности академиком В.И.Вернадским, еще в первые годы XX века. Он в известной мере реализовал эту идею, создав в 1915 г. постоянную Комиссию по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). На общем собрании КЕПС в декабре 1916 г. В.И.Вернадский выступил с программным докладом «О государственной сети исследовательских институтов в России». Многие положения этой программы были приняты в ходе преобразований Московского университета и АН в первые годы Советской власти⁴⁹.

21 февраля 1928 г. Устав ВАРНИТСО был утвержден на объединенном заседании СНК СССР и СТО (Совета Труда и Оборона). Председателем ВАРНИТСО стал А.Н.Бах. Ячейка ВАРНИТСО была создана и в Московском университете. В ее работе активно участвовали профессора И.Д.Удальцов, О.Ю.Шмидт, А.И.Абрикосов, Я.С.Пржеборовский и др.⁵⁰ ВАРНИТСО просуществовала до 1937 г.⁵²

Создание ВАРНИТСО стало первым активным шагом МГУ в направлении вовлечения коллектива университета в масштабную научную работу и установ-

ления прямых связей между университетом и различными отраслями народного хозяйства страны. В МГУ приходит ряд крупных ученых и начинается постановка принципиально новых учебных курсов. Будущий академик, а в 1925 г. профессор физико-математического факультета Л.И.Мандельштам, открывает чтение курсов «Электродинамика», «Физическая оптика» и «Теория относительности»; профессор Н.К.Кольцов организует учебный цикл «Экспериментальная зоология», с которым связано зарождение генетики в МГУ; профессор медицинского факультета Н.Н.Бурденко организует практические занятия по оперативной хирургии⁵².

На годы ректорства А.Я.Вышинского приходятся и другие важные для истории Московского университета события.

С 1 мая 1927 г. начинает печататься общеуниверситетская газета «Первый университет» (с октября 1930 г. – «За пролетарские кадры», с ноября 1937 г. – «Московский университет»), организуется Издательство Московского университета⁵³.

Восстанавливаются существовавшие прежде и создаются новые связи с университетами в Кембридже, Оксфорде, Париже, Марселе, Нью-Йорке, Торонто, Осло, Праге, Белграде, Константинополе, Калькутте, Токио и др.⁵⁴ Профессора МГУ начинают избираться почетными членами зарубежных университетов и научных обществ: Нина Карловна Бари – членом французского и польского математических обществ; историк Е.А.Косминский – членом-корреспондентом Общества экономической истории в Лондоне; медик А.И.Абрикосов – членом Общества патологов Германии и т.д.⁵⁵

Но и после того, как А.Я.Вышинский оставил пост ректора МГУ, он продолжал оказывать заметное влияние, в первую очередь на постановку в университете юридического образования. Но по времени это относится уже к 40-м годам, когда в ашхабадский период эвакуации МГУ в его составе был восстановлен юридический факультет (1942).

В 1954 г. А.Я.Вышинский умер. Его последнее появление в МГУ датировано днем 8 мая 1940 г. В этот день как заместитель председателя СНК СССР А.Я.Вышинский выступает с приветствием от имени правительства и ЦК ВКП(б) на торжественном заседании в Колонном зале Дома союзов, посвященном 185-летию Московского университета.

И.Г.Петровский между тем успешно заканчивает университет и еще весь первый год аспирантуры (1927–1928) учится «при ректоре Вышинском».

ДИРЕКТОР НИИ МАТЕМАТИКИ И МЕХАНИКИ ДМИТРИЙ ФЕДОРОВИЧ ЕГОРОВ

Три полных года проводит И.Г.Петровский в аспирантуре Научно-исследовательского института математики и механики.

Сегодня мы имеем возможность по-иному, чем еще 5–7 лет тому назад, представить, понять и охарактеризовать этот исключительно важный отрезок жизни И.Г.Петровского. По сумме и остроте событий 1927–1930 гг. можно, очевидно, отнести к самым драматическим годам в жизни И.Г.Петровского вплоть до времен Великой Отечественной войны.

То, о чем раньше только догадывались, да и то лишь отдельные специалисты по истории математики в Московском университете, но при этом никогда нигде не писали о своих догадках, теперь – документально установленный факт. Аспирантские годы И.Г.Петровского совпали с серьезным и очень глубоким кризисом внутри «школы Егорова–Лузина». Сначала разошлись в разные стороны Д.Ф.Егоров со своим учеником Н.Н.Лузиным. Школа «Егорова–Лузина» распалась. Но вскоре разошлись и ученики, разошлись не только по разным математическим направлениям, но и по причине идейно-политических разногласий. «Школа Лузина» распалась, оставив, однако, немало мифов и легенд о себе и о своем прошлом⁵⁶.

Егоров. Д.Ф.Егоров как ученый был самым крупным математиком не только в Московском университете, но и в стране в течение всей первой трети XX века⁵⁷. Но он был не менее значим и как личность, как университетский деятель, на плечи которого легла задача встраивания математики и математического образования в новую Советскую власть и советскую высшую школу в самый сложный момент расставания России с самодержавием.

К.А.Рыбников пишет: «Жуковский, Егоров и Млодзеевский в наиболее яркой форме отразили и в значительной мере определили стиль работы математиков Москвы конца XIX – начала XX века. Этот стиль характеризовался широтой научных интересов, отсутствием узкой специализации, стремлением к исследованию обобщающих идей. Вначале Жуковский, а затем Егоров и Млодзеевский ввели в практику преподавания научные семинары и лекции, посвященные новым областям математики»⁵⁸.

Но Н.Е.Жуковский умер в марте 1921 г., а Б.К.Млодзеевский – в январе 1923 г. и Д.Ф.Егоров остался практически один...

Несколько фактов. В своих Дневниках в день 10 октября 1917 г. В.И.Вернадский пишет: «Из разговора с Сергеем [Ольденбургом] выясняется страх многих. Академики-математики удрали или удирают: Стеклов считает, что его деятельность может считаться военной (!) и потому он д[олжен] быть эвакуирован, Марков и Ляпунов уже уехали»⁵⁹. Лузин, спасаясь от невзгод, на 2 года едет в Иваново-Вознесенск.

Один Егоров не покидает Москвы и Московского университета. Он не бежит из России после Октябрьской революции. Егоров не отходит от имяславцев, ни когда их начинает преследовать официальная церковь в дореволюционное время, ни в советское время⁶⁰.

Первая встреча. И.Г.Петровский: «Я помню, что начинал свои занятия математикой не в той области, к которой перешел потом. Посещал соответствующий семинар. Там ставились хорошие научные задачи, делались хорошие доклады. Но у меня не было достаточной культуры, чтобы понимать это. Я чувствовал себя плохо, боялся, что мне придется уйти из университета, не доучившись. Стал посещать другой семинар – семинар по дифференциальным уравнениям, которым руководил профессор Д.Ф.Егоров. Там никаких научных проблем не ставилось. Мне было предложено прореферировать некоторые научные работы. Когда я стал ими заниматься, выяснилось, что я не знал того, что нужно было знать для их понимания. Д.Ф.Егоров посоветовал мне прочитать предварительно ряд матери-

алов. Некоторые рекомендованные им статьи и книги были на английском языке, которого я совсем не знал тогда. Мне пришлось заняться английским языком. После двухлетней работы в этом семинаре я сам выбрал себе тему для дипломной работы. Эта работа была доложена на заседании математического общества и затем напечатана в известном журнале – в «Математическом сборнике». Я стал математиком»⁶¹.

Последняя встреча. 2 июля 1930 г. 3-летний срок обучения в аспирантуре истек. Тогда не требовалось защиты диссертации или какого-либо отчета о научной работе, сделанной аспирантом. Все решалось оценкой, аттестацией со стороны научного руководителя. Д.Ф.Егоров пишет: «И.Г.Петровский почти закончил свою подготовку (остается закончить работу в семинаре по математической физике). Тема заключительной работы им выбрана, и по ней у него уже имеются результаты. Таким образом, осенью 1930 года, полагаю, стаж аспирантуры им будет окончательно пройден. В текущем году, несмотря на чрезмерную нагрузку общественной работой, И.Г. продолжал свои научные занятия, с обычной добросовестностью изучал литературу предмета и сейчас уже он представляет из себя весьма хорошо образованного, сведущего и с успехом работающего в своей области математика. Д. чл. Ин-та. Д.Егоров. 2/VI 1930»⁶².

Через 2 месяца, в сентябре Д.Ф.Егоров был арестован, провел около года в тюрьме, был осужден к ссылке в Казань на 5 лет, где 10 сентября 1931 г. скончался. На надгробном памятнике Д.Ф.Егорову в Казани написано: «Егоров Дмитрий Федорович. Профессор Московского университета. Почетный член АН СССР. 1869–1931».

ИЗ ПИСЬМА ДЕКАНА МЕХАНИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА И.Г.ПЕТРОВСКОГО ПРОРЕКТОРУ МГУ В.И.СПИЦЫНУ

Прошу Вас возбудить ходатайство о предоставлении литерного снабжения... Анне Ивановне Егоровой... Анна Ивановна Егорова – вдова почетного члена Академии Наук СССР, одного из старейших профессоров нашего факультета Дмитрия Федоровича Егорова. Дмитрий Федорович был основателем современной Московской математической школы, получившей мировую известность. Долгое время он состоял Президентом Московского Математического Общества. Анна Ивановна Егорова достигла уже преклонного возраста. Она получает персональную пенсию, не имеет возможности по состоянию здоровья служить и находится сейчас в тяжелом положении».

Архив МГУ, ф. 1, оп. 28, россыль

Егоров и Лузин. Два этих имени тесно связаны в истории российской математики словами «школа Егорова–Лузина». Потом одно имя исчезнет и останется только «школа Лузина».

Дмитрий Федорович Егоров, профессор математики Московского университета с 1903 г. В 1908 г., когда студент Н.Н.Лузин оканчивает университет и начинает писать под его руководством магистерскую диссертацию, Лузину 25 лет, а Егорову уже 39⁶³. Егорова в качестве научного руководителя рекомендует Лузину П.А.Флоренский, окончивший физико-математический факультет в 1904 г.⁶⁴ В 1910 г. Егоров организует семинар по анализу⁶⁵. В его тематике – теория функ-

ций, теория интегральных уравнений, современные методы вариационного исчисления и др. В числе первых «семинаристов» С.П.Фиников, В.В.Голубев, В.В.Степанов, И.И.Привалов и, конечно, Н.Н.Лузин. В том же 1910 г. по предложению Егорова Лузин получает должность приват-доцента и командировку от факультета за границу. Он уезжает на 3 с лишним года в Париж и Геттинген для работы над темой диссертации.

Но в это время в жизни Егорова происходят два исключительно важных события, каждое из которых будет иметь свои серьезные последствия в недалеком будущем.

В 1911 г. Егоров публикует в «Comptes rendus» Парижской академии наук свою работу «О последовательности измеримых функций». Это событие историки математики принимают за точку отсчета, когда говорят о рождении Московской школы теории функций⁶⁶.

В том же 1911 г. в знак несогласия с действиями министра народного просвещения Л.А.Кассо Московский университет покидают более 100 профессоров, приват-доцентов и других сотрудников. Когда это случилось, пишет С.А.Чаплыгин академику В.И.Вернадскому: «...все из математического отделения нашего факультета демонстративно вышли в отставку: 7 профессоров, не считая приват-доцентов»⁶⁷. Но вышли не все. Д.Ф.Егоров остался.

За это его осудили практически все, кто хотел и мог.

Лев Генрихович Шнирельман, ученик ученика Лузина Александра Яковлевича Хинчина, выступая в Комиссии АН СССР, разбиравшей «дело Лузина», говорил: «Егоров – фигура весьма интересная, и мне кажется, что для выяснения этой фигуры ее можно разделить на две части: с одной стороны – Егоров как политическая фигура, и с другой стороны – Егоров как научная фигура. Политически – это настолько реакционная фигура, что он был реакционнее некоторых из тех зубров, которые здесь были упомянуты (имеются в виду профессор математики Бугаев, Млодзеевский и Лахтин. – *Е.И.*)... В самые мрачные времена Кассо Егоров остается в университете в качестве одного из немногих профессоров, но гораздо реакционнее него в науке был Млодзеевский. И между тем он ушел оттуда и остался без государственной службы. Так что свою физиономию последовательно реакционную Егоров сохранил, кажется, до последних дней. Достоинно удивления то обстоятельство, что очень долго, до 1930 года, эта реакционная политика господствовала и могла в какой-то степени проявляться. Что касается научной стороны, то здесь нужно Егорова характеризовать, как уже было отмечено, как западника»⁶⁸.

Осудили Егорова за 1911 г. все, кроме И.Г.Петровского. Его ученица – будущий академик О.А.Олейник – и историк академик В.Л.Янин вспоминают: «Высоко ценя гражданское мужество и даже жертвенность ушедших в отставку профессоров, И.Г.Петровский в то же время недоумевал: «Как же можно было пренебречь интересами студентов, доверив их формирование мракобесам? Можно жертвовать карьерой, но нельзя жертвовать молодежью!»⁶⁹.

НИИ математики и механики МГУ и его аспиранты. П.С.Александров: «Осенью 1920 г. в математическую жизнь Московского университета деятельно включился О.Ю.Шмидт (в Москву из Киева он переехал уже в 1918 г.). При руково-

дующем участии О.Ю.Шмидта был организован при Московском университете Институт математики и механики⁷⁰. Его первым директором стал Д.Ф.Егоров, который и пробыл в этой должности до конца 1930 г. Президентом Московского математического общества в это время (с 1905 г.) был Николай Егорович Жуковский. В марте 1921 г. он скончался, лишь на совсем короткое время пережив единственную дочь (умершую двадцати с небольшим лет). Н.Е.Жуковского сменил на посту президента Общества Б.К.Млодзеевский. Он умер в январе 1922 г., уступив свое президентство Д.Ф.Егорову, который оставался президентом Математического общества, как и директором Института, до конца 1930 г. Таким образом все двадцатые годы Д.Ф.Егоров стоял во главе всей московской математики»⁷¹.

Когда И.Г.Петровский поступил в аспирантуру, коллектив НИИММ состоял из 12 действительных членов, 8 научных сотрудников и 60 аспирантов, тогда как в дореволюционное время Московский университет мог оставлять при математической кафедре для подготовки к профессорскому званию всего несколько человек⁷². Созданием сети НИИ было как бы завершено формирование в Москве нового научного центра наряду с существующей Российской академией наук, пребывавшей в Ленинграде. К такому решению московские ученые шли давно. Одновременно организацией сети институтов именно при Московском университете было закреплено его положение в качестве ведущего центра науки России, сложившееся уже к середине XIX века, но созданного на принципиально иных основах, чем Академия наук.

Примерно в одно время с И.Г.Петровским в аспирантуре НИИММ учились: С.В.Бахвалов, А.И.Гельфонд, П.С.Новиков, П.К.Рашевский, А.Н.Тихонов, Л.А.Тумаркин, Д.Ю.Панов, М.Я.Выгодский, С.А.Гальперн, С.Д.Россинский, Л.В.Келдыш, А.Н.Колмогоров, М.А.Крейнес, Л.Г.Шнирельман, Л.Н.Сретенский, В.В.Немыцкий.

Спустя несколько лет они составили костяк первого советского поколения математиков Московского университета⁷³.

Математика, политика, власть. Судя по списку авторов книги «Университеты и научные учреждения», статья «Институт математики и механики МГУ» принадлежит скорее всего перу А.Н.Хинчина. Поясняя предназначение НИИММ, автор пишет: «Если совсем еще недавно русская математическая наука пребывала в состоянии изолированности и замкнутости, если в годы, непосредственно предшествовавшие революции, она в лице отдельных своих ячеек впервые начала приобретать европейскую культуру и европейские связи и, как всегда в подобных случаях, видела в заграничной науке свой недостижимый идеал, своего обожаемого учителя и полновластного судью, то теперь, в первые годы советского периода, она начала чувствовать свою крепкую силу, училась впервые говорить с зарубежной наукой, как равный с равным. Но в тот период (1922) все это носит еще характер первых попыток встать на самостоятельный творческий путь: полному освобождению мешали укоренившиеся традиции математических кадров»⁷⁴. И далее: «Учреждением, где развернулась эта работа, стал Институт математики и механики при МГУ, открытый в 1922 г.»⁷⁵. Носителем «укоренившихся традиций математических кадров» был объявлен, по вполне понятным причинам, директор института Д.Ф.Егоров. Прежде всего потому, что обладал огромной властью

в математическом сообществе, занимая одновременно посты: председателя предметной комиссии по математике в Московском университете, директора НИИММ, президента Московского математического общества.

Но в 1929 г. события развивались стремительно.

Егорова увольняют с должности директора НИИММ... Вместо него на короткое время эту должность занимает О.Ю.Шмидт. В 1932–1934 гг. в институте директором работает А.Я.Хинчин.

П.С.Александров: «В 1934 г. директором Института математики Московского университета делается А.Н.Колмогоров. Заняв это место, он не только возглавил всю университетскую жизнь в области математики, но и всю подготовку молодых математиков-аспирантов (да и старших студентов) Университета. Одним из первых организационных планов его как директора Института в области международных математических отношений был план создания серии международных конференций по различным областям математики. Осуществились лишь первые два звена этой широко задуманной цепи конференций: конференция по дифференциальной геометрии и тензорному анализу (1934 г.)... и прошедшая под моим руководством топологическая конференция (1935 г.) – первая международная конференция по топологии, когда-либо имевшая место... В 1939 г. А.Н.Колмогорова избрали в академики... на него нахлынуло целое море новых и ответственных обязанностей (он был избран академиком-секретарем отделения физико-математических наук – 1939–1942 гг. – и автоматически членом Президиума Академии). Со всеми этими обязанностями он справлялся хорошо и четко, и влияние его на всю математическую и вообще научную жизнь нашей страны чрезвычайно возросло. По необходимости произошел и глубоко отрицательный факт: Андрей Николаевич оставил директорство Института математики Московского университета»⁷⁶.

Последний удар по Егорову – его смещение с поста президента Московского математического общества.

ИЗ ПУБЛИКАЦИИ «ОТ РЕДАКЦИИ» В МАТЕМАТИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ

1930, т. 38, №1–2⁷⁷

Во время набора настоящего номера произошла коренная реорганизация Московского математического общества, издающего журнал «Математический сборник».

Московское общество сохраняло до последнего времени свой кастовый «академический» характер. Возглавлял общество профессор Д.Ф.Егоров, реакционер и церковник, боровшийся против политики советской власти в области высшей школы и науки под флагом защиты «академических традиций» и «чистой аполитичной науки».

Рост пролетарской прослойки среди аспирантуры и разоблачительная борьба ее против реакционного крыла профессуры, решительный поворот основных кадров советских математиков в сторону активного участия в социалистическом строительстве, под влиянием его успехов и разоблачения мнимой аполитичности верхушки буржуазной интеллигенции, создали предпосылки для реорганизации математических научных учреждений.

В Математическом обществе была создана инициативная группа по его реорганизации, куда вошел ряд видных московских математиков <Л.А.Люстерник,

Л.Г.Шнирельман, А.О.Гельфонд, Л.С.Понтрягин и Некрасов>... Общество исключило из своих рядов Егорова и других реакционеров, пополнило свой состав прежде всего за счет аспирантуры. Новый устав, выработанный обществом, ставит его целью прежде всего поворот советской математики на обслуживание социалистического строительства. Был реорганизован также Математический педагогический кружок, влившийся в общество в качестве его педагогической секции.

Судьба «школы Лузина». В 1914 (15) г. Лузин возвращается с готовой диссертацией «Интеграл и тригонометрический ряд», которую защищает в 1916 г. Совет единогласно присуждает ему степень доктора чистой математики, минуя магистра. Он остается в университете и начинает исследования в области дескриптивной теории функций, которая становится привлекательной для многих участников семинара Егорова. 30 декабря 1916 г. физико-математический факультет избирает Лузина своим профессором (в 1917 г. это постановление совета факультета утверждено ученым советом университета). А где-то с 1915 г. такие математики, как В.В.Степанов, И.И.Привалов, А.Я.Хинчин, конечно, П.С.Александров и другие называют себя и называются другими «учениками Лузина», точнее «первым поколением» его учеников⁷⁸. Потом появляется «второе поколение», которое получит специальное наименование «советской математической школы» или, чаще и короче, «школы Лузина». К ней будут причислены Д.Е.Меньшов, А.Н.Колмогоров, Н.К.Бари, М.А.Лаврентьев, Л.А.Люстерник и др.

Поэтому легче сказать, кто из известных математиков, окончивших Московский университет в первое десятилетие после Октябрьской революции, не принадлежал к «школе Лузина», чем составить полный список ее учеников.

И.Г.Петровский, видимо, один из тех немногих, кто никогда прямо не называл себя «учеником Лузина». Если он о чем-то в этом роде говорил или писал, то лишь о «школе Егорова» или «школе Егорова–Лузина». Но своим прямым и единственным учителем всегда считал Дмитрия Федоровича Егорова. По рассказам его родных, из математиков только портрет Егорова висел в его рабочем кабинете дома.

Это весьма интересное обстоятельство, имея в виду, что большая часть первого поколения советских математиков, занявших ведущие позиции в АН и в Московском университете в конце 20-х годов и сохранявших эти позиции до конца 60-х годов, принадлежала к «школе Лузина». Наиболее крупными математиками, которые не считались другими и не считали себя сами учениками этой школы, были И.Г.Петровский и А.Н.Тихонов. Не называет этих имен среди учеников Лузина и такой внимательный историк «школы Лузина», каким являлся П.С.Александров, у которого есть специальная работа «Лузинская математическая школа»⁷⁹.

По одной этой причине при исследовании жизни и деятельности И.Г.Петровского вполне оправданно более пристальное внимание ко всему, что так или иначе связано с судьбой «школы Лузина». Ориентируют на это и совсем новые архивные материалы, опубликованные в вышедшей в 1999 г. под редакцией хорошо известных и авторитетных историков науки С.С.Демидова и Б.В.Левшина книге «Дело академика Николая Николаевича Лузина». Более того, появляются весомые основания для того, чтобы в целом критически переосмыслить совет-

скую концепцию истории МГУ, имея в виду ту роль и то место, которое отводится в этой концепции университетским математикам, механико-математическому факультету, академику Н.Н.Лузину и «школе Лузина».

Существует несколько версий причин трагического исхода судьбы как самого Н.Н.Лузина, так и его школы.

Самая нелогичная из них состоит в том, что ученики основателя школы, во многом, если не в решающем, способствовавшие дискредитации и свержению своего учителя, продолжали на протяжении последующих десятилетий по-прежнему утверждать, что «школа Лузина» как существовала, так и продолжает существовать.

Другая версия, которую предложил академик Л.С.Понтрягин, предполагает, что в разгроме «школы Лузина» было заинтересовано руководство партии и государства. Он пишет: «В 1936 году произошло совершенно поразительное, незаурядное событие в жизни советских математиков. (Тогда мы еще не знали, что грянет 1937 год. Я описываю события так, как я и мои товарищи воспринимали происходящие тогда – в 1936 г. Позже я понял, что Советскому правительству нужно было разогнать школу русского математика Н.Н.Лузина. Уничтожить его самого они не решились.) Внезапно, по-видимому, неожиданно для всех, в центральной газете, кажется в «Правде», появилась статья с грубыми нападка на выдающегося русского математика Николая Николаевича Лузина. Она называлась «Маска сорвана»⁸⁰.

РЕКТОР ИВАН ДМИТРИЕВИЧ УДАЛЬЦОВ

1 год и 9 месяцев – с 1 сентября 1928 г. по 30 июня 1930 г., – в течение которых ректором Московского университета был Иван Дмитриевич Удальцов, представляются самым драматическим, если не сказать трагическим, моментом во всей предшествующей 175-летней истории университета. Правда, существующие официальные советские версии истории МГУ к такому выводу не приходят. Возможно потому, что среди авторов 2-томной истории, написанной к его 200-летию в 1955 г., был и И.Д.Удальцов.

На момент вступления И.Д.Удальцова в должность (и.о.) ректора 1-го МГУ 1 сентября 1928 г., университет состоял из физико-математического, медицинского, этнологического, рабочего факультетов и факультета советского права.

На момент завершения И.Д.Удальцовым работы в должности директора 1-го МГУ, 30 июня 1930 г., университет состоял из факультетов: физико-математического, рабочего, историко-философского, литературы и искусства, советского права.

Во время ректорства И.Д.Удальцова возникли и были ликвидированы химический и геофизический факультеты. Закрыты факультеты: медицинский, этнологический.

В конце 1929 г. происходят изменения в управлении университетом. Ректор И.Д.Удальцов издал 27 декабря приказ №1, которым объявлялось, что все распоряжения по университету теперь будут исходить только от ректора и его помощников (проректоров), а на факультетах устанавливается аналогичным образом

единоначалие деканов. Предметные комиссии ликвидировались и основной учебно-производственной единицей становились кафедры во главе с заведующими, назначаемыми ректором, на которых также возлагалась единоличная ответственность за работу кафедр. Тем же приказом студенты освобождались от выполнения административных функций⁸¹.

СТАТЬЯ РЕКТОРА 1 МГУ И.Д. УДАЛЬЦОВА «175-ЛЕТНИЙ СТАРЕЦЬ»⁸²

Январь 1930 г.

В этом году исполнится 175 лет существования 1 Московского государственного университета. Не случайно, что на пороге этого юбилея встал вопрос о дальнейшем существовании университета. На протяжении почти двух столетий рос и расширялся университет, «отражая в себе» рост и продвижение науки. Из единого небольшого стержня, постепенно развиваясь, он разбился на ряд факультетов, объединяющих множество научных дисциплин. Университет и сейчас сохраняет первоначальную организационную форму, подсказанную еще в момент организации университета эмбриональным состоянием науки в России, университет сохраняет структуру, позволявшую в едином учреждении охватить почти все дисциплины в области учебной и научно-исследовательской работы и тогда оправдавшую название университета.

Сейчас эта форма, связанная с русским средневековьем, уже отжила свой век. Она вступает в конфликт с жизнью. Уже с момента Октября, когда от науки требуется быстрое реагирование на требования жизни, когда перед каждой отраслью науки ставятся совершенно конкретные задачи – структура университета показала себя неуклюжей и недостаточно эластичной. Невозможно ввести точную плановость, полноценно обслужить и оборудовать хозяйственно и экономически все отделения, нет возможности дать все условия для расцвета каждой специальности.

Университет, разросшийся в чудовищно громоздкое учреждение, объединяющее в себе шесть разнородных факультетов, не может с нужной быстротой разрешать выдвигаемые жизнью вопросы. Университет не в состоянии приспособиться к условиям и темпам социалистического строительства. Университет отстает от жизни и в сущности он оказывается не двигателем, а тормозом развития науки. Ноябрьский пленум ЦК, поставивший вопрос о темпах, о новых методах работы, о теснейшей связи с производственными заданиями – произнес свой приговор над прежней структурой университета.

Мы считаем необходимым расчленение университета на его вполне самостоятельные составные части: Медицинский институт (он должен возникнуть из слияния медфаков 1 и 2 МГУ); Институт общественных наук (в него должны войти факультеты: совправо, историко-философский и факультет литературы и искусства); Институт физико-химических наук с факультетами — химфак и физмат (он разобьется на ряд самостоятельных факультетов).

Пора старику-университету на 175-летнем юбилее своей жизни – на покой. Около девяти тысяч студентов, две тысячи рабочих и служащих, полторы тысячи научных работников, 14 гектаров крыш на университетских зданиях и одиннадцать километров тротуаров вокруг них – сами настаивают на своем разделении...

В 1929 г. на заседании Правления университета И.Д.Удальцов говорил: «Сложившаяся к настоящему времени структура университета должна быть признана

несоответствующей требованиям и задачам социалистической реконструкции страны, чересчур громоздкой, разношерстной, с малой подвижностью, тормозящей приспособление его отдельных факультетов и отделений к требованиям народного хозяйства, замедляющей темп подготовки нужных для страны кадров квалифицированных специалистов»⁸³.

13 февраля 1930 г. совещание проректоров и деканов 1-го МГУ по докладу ректора И.Д.Удальцова принимает постановление, в котором говорится: «В связи с выделением из 1 МГУ факультетов физико-математического, медицинского и химического, факультетов истории и философии, факультета литературы и искусства, факультета совправа, а также преобразованием их в самостоятельные вузы, считать необходимым разработать (в основном) в 5-дневный срок проект финансового, административного и хозяйственного расчленения 1 МГУ, поручив это тройке в составе И.Д.Удальцова, И.Г.Руфанова и В.Ф.Андреева»⁸⁴.

Журнал «Красное студенчество» в редакционной статье к №21 (март 1930 г., обложка) пишет: «1 МГУ сделал попытку в этом году отпраздновать свой 175-летний юбилей. Этот юбилей, увы, не состоится. 1930 год, юбилейный год дряхлого старца, универсально неповоротливого и ставшего ненужным в нашу эпоху, будет годом возникновения вузов новой формации на обломках 1 МГУ».

В советских версиях истории МГУ этот факт рассматривается в целом как положительный, хотя и не без издержек. «Разукрупнение университета в тех условиях и создание на базе отдельных факультетов новых вузов имели известное положительное значение. Растущий размах социалистического строительства с особой остротой ставил проблему инженерно-технических кадров. Однако в общем пафосе социалистического строительства, захватившего и коллектив Московского университета, в стремлении некоторой его части как можно скорее выпустить больше специалистов допускалась торопливость, непродуманные до конца, а подчас и совершенно неоправданные структурные реорганизации, которые не отвечали поставленным перед университетом задачам, нарушали ритм университетской работы и снижали качество подготовки специалистов. По существу наиболее «радикальные» проекты были направлены на свертывание и фактическую ликвидацию университетского образования. Газета «Первый университет» опубликовала несколько статей, в которых говорилось об «устарелости» университетского образования. Приказами по университету выделение передаваемых в другие наркоматы факультетов и отделений объявлялось «ударной работой»; раздавались голоса о «ненужности» университета, его громоздкости, неподвижности, неуклюжести структуры, якобы мешающих быстро реагировать на запросы социалистического строительства. Это была недальновидная политика, игнорирующая перспективы и коренные интересы развития социалистического общества, его науки и самой высшей, в том числе и технической школы»⁸⁵.

И.Г.ПЕТРОВСКИЙ – ПРОФЕССОР, ДОКТОР НАУК

И.Г.Петровский: «В 1930 году <я> начал педагогическую деятельность в МГУ, сначала в должности ассистента, потом доцента»⁸⁶. Через 10 лет он – декан механико-математического факультета Московского университета.

За истекшее десятилетие были построены тысячи крупных предприятий, заложены основы таких отраслей промышленности, каких не было в дореволюционной России: станкостроение, автомобилестроение, тракторостроение, химическая, авиационная и оборонная промышленность. Было налажено производство мощных турбин и генераторов, качественных сталей, ферросплавов, синтетического каучука, азота, искусственного волокна и др. Введены в строй тысячи километров новых железных дорог и каналов. Возникли сотни городов и рабочих поселков. Успехи были бы значительно большими, если бы не трагические ошибки Сталина, да невиданный по своей разрушительной силе мировой экономической кризис, разразившийся в 1929 году.

Процесс индустриализации страны, как этого и следовало ожидать, привел к необходимости значительного повышения уровня научной подготовки специалистов с высшим образованием. До сих пор ведущей задачей высшей школы являлась ликвидация острого дефицита в количестве высококвалифицированных кадров. Научно-исследовательская работа в вузах была отодвинута на второй план. Первым шагом в направлении к ее улучшению стала организация в 1925 г. аспирантуры.

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В 30-х ГОДАХ

Советская историография высшей школы рассматривает 30-е годы как «годы завершения строительства советской системы высшего образования»⁸⁷. Но начались они трудно. Перестройка организационной структуры университета, продолжавшаяся в течение ряда лет, отрицательно сказалась на учебной и научной работе. «Московский университет вышел из реорганизационного периода к началу 1933 г. в значительной степени ослабленным... По существу Московского университета как единого универсального организма к этому времени не стало...»⁸⁸.

О трудностях времени свидетельствует, в частности, тот факт, что университет в эти годы трижды менял свое название⁸⁹.

В 30-е годы закладывается фундамент новых отношений Московского университета и Академии наук. Идет реформирование АН. В 1927 г. в устав Академии была включена статья 22, гласящая: «Действительный член Академии наук лишается своего звания, если он не выполняет обязанностей, возлагаемых на него этим званием, или его деятельность направлена явным образом во вред Союзу ССР»⁹⁰. Председатель фракции академиков-коммунистов М.Н.Покровский писал 1 ноября 1929 г. в Политбюро ЦК ВКП(б): «Должно быть совершенно определенно подчеркнута, что новый устав и новая структура даются Академии государством и что академики имеют в этом деле лишь совещательный голос, как это имеет место в подобных случаях по отношению ко всем обычным советским научным учреждениям. С осуществлением этой реформы из жизни нашей страны исчезнут последние остатки ученой касты и возникнет новый, можно надеяться, весьма мощный научный коллектив такого типа, какие нам нужны для осуществления задач, стоящих перед страной... Пишущему эти строки неоднократно под-

совывалась мысль о разгоне Академии Наук. Мысль эта всегда мне была совершенно чужда. Я никогда не имел в виду ничего другого, кроме превращения Академии в нормально работающее советское научное учреждение...»⁹¹.

Так, практически одновременно, в Московском университете и АН проходил поиск такой их структурной организации, которая более естественно отвечала бы, с одной стороны, задачам социалистического строительства в СССР, с другой – тем направлениям фундаментальной науки и техники, которые складывались под влиянием крупнейших открытий в естествознании, главным образом в физике, в первой четверти XX века.

В СССР этим задачам придавалось особое значение, поскольку государство и правящая коммунистическая партия отводили науке важнейшую роль в построении социалистического общества и укреплении обороноспособности страны.

Уже к исходу 20-х годов руководством страны была выработана долгосрочная стратегия преобразования науки и высшей школы. В феврале 1929 г. фракция академиков-коммунистов подготовила для Политбюро ЦК документ с предложениями относительно дальнейшего направления и организации работ Академии Наук СССР (в основу этого документа положен проект, подготовленный Н.И.Бухариным, «Ориентация в вопросах Академии Наук для нас самих». – *Е.И.*). В нем, в частности, говорилось: «1) С точки зрения длительной перспективы, необходимо держать курс на единое научное учреждение, охватывающее на основе единого научного метода различного рода дисциплины и подтягивающее к себе организационно различные научно-исследовательские институты, лаборатории, музеи, научные общества и т.д. и т.п. 2) Общей линией здесь должна быть линия на объединение теории и практики, линия дальнейшей актуализации всей совокупности работ, большей их планомерности и пр. Организационно это должно выразиться как в большей связи с общегосударственной (и главным образом планохозяйственной) работой, так и в координировании работы различного рода институтов и лабораторий в соответствующем научном центре. 3) К выполнению этой работы может и должна быть привлечена Академия Наук, которую необходимо радикально реформировать, перестроить, что возможно лишь путем длительной и систематической работы, т.е. лишь «в конечном счете». В этом смысле задача по отношению к Академии Наук состоит не во взрыве этого учреждения, а в длительной переделке. 4) Реализацию этого курса необходимо проводить следующим образом: а) Гуманитарное отделение должно быть коренным образом реорганизовано. Помочь этой реорганизации должен в значительной мере совокупный научно-технический аппарат Комакадемии, Института Маркса и Энгельса, Ленинского института, марксистских обществ и т.д. При этом ни в коей мере не должны быть реально ослаблены эти центры, в том числе и в первую голову Коммунистическая академия, которая должна оставаться научным центром коммунизма в его, так сказать, чистой культуре. С другой стороны, при Академии Наук должен быть организован ряд институтов (вроде Института экономических обследований), которые предполагается организовать вообще с реорганизацией уже имеющихся при Академии учреждений. б) Физико-математическое отделение АН должно быть постепенно отвоено путем выдвижения научно-исследовательских институтов

и продвижения действительно знающих, научно-компетентных, теоретически и практически квалифицированных коммунистических и околокоммунистических сил, при бережном и заботливом отношении к действительно ученым представителям старой квалифицированной интеллигенции»⁹². В протоколе Политбюро, рассмотревшем этот вопрос 8 июля 1929 г., констатируется: «В основном принять предложение комфракции Академии Наук о направлении и организации работ Академии Наук с тем, чтобы не разворачивать на данной стадии организации гуманитарных институтов»⁹³. Эта позиция подтверждается неоднократно. Н.И.Бухарин и А.В.Луначарский 23 февраля 1930 г. пишут в Политбюро ЦК: «Признать целесообразным сохранение на более или менее длительный срок Академии Наук, как высшего ученого учреждения, причем: а) взять твердый курс на развитие Физико-математического отделения; б) сохраняя на ближайший период гуманитарное отделение, вести линию на постепенную его ликвидацию и передачу в перспективе его институтов в Комакадемию»⁹⁴.

Близкая по сути линия проводилась государством и по отношению к Московскому университету. Активно поддерживались и развивались физико-математический и медицинский факультеты, многократно перестраивался весь университетский гуманитарный сектор вплоть до полного выведения его из состава МГУ⁹⁵.

И.Г.Петровский: «Весьма благотворно на деятельности Московского университета отразился переезд в 1934 г. в Москву Академии наук СССР. Состав ученых университета пополнился рядом академиков, взявших на себя руководство кафедрами в университете. В свою очередь и Московский университет за прошедшее с тех пор время дал весьма значительное пополнение в ряды Академии наук. На выборах в Академию наук СССР, начиная с 1939 года, академиками и членами-корреспондентами были избраны в общей сложности 111 ученых, работающих в Московском университете»⁹⁶.

РЕКТОР ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ КАСАТКИН

И.Г.Петровский в автобиографиях и личных листках по учету кадров чаще всего указывает в качестве первого после окончания аспирантуры места работы физико-механический факультет: «В 1930 г. начал педагогическую работу в МГУ, сначала в должности ассистента, потом доцента физико-механического факультета 1 МГУ»⁹⁷. Этот факультет просуществовал менее года – с 21 августа 1930 г. по июль 1931 г. После чего факультеты Московского университета были преобразованы в отделения.

Но это было движение, еще по инерции направленное в сторону полной ликвидации университетов и университетского образования. Однако его нижняя точка была уже пройдена, когда осталось не осуществленным упомянутое выше решение, принятое 13 февраля 1930 г. совещанием проректоров и деканов по докладу ректора И.Д.Удальцова, об административном и хозяйственном расчленении МГУ.

Поэтому преобразование факультетов в отделения хотя и было шагом назад, однако оно позволило сохранить Московский университет как целое, как самостоятельное высшее учебное заведение, как единый университет. Пройдет менее

двух лет, и в апреле 1933 г. факультетская структура в МГУ (равно как и в других университетах и вузах страны) будет восстановлена.

Все это время во главе Московского университета стоял его директор Василий Николаевич Касаткин, сменивший И.Д.Удальцова 30 июня 1930 г.

Принимая Московский университет и обосновывая составление производственного плана МГУ на 1930–1931 учебный год (это был вообще первый в истории университета годовой производственный план. – *Е.И.*), новый директор констатировал: «Попытки быстро составить производственный план... натолкнулись на трудности, которых, вероятно, уже не знает ни одно производственное предприятие СССР, ибо отсутствовали самые элементарные сведения: неизвестно было до поголовной переписи студентов (проведенной 20 ноября 1930 г. – *Е.И.*) число учащихся. И сейчас еще не вполне точно известно число научных работников, не было учета функционирующих специальностей и кафедр и т.д. Задача составления плана в этих условиях представлялась многим работникам МГУ настолько трудной, что попытки все же взяться за разрешение этой задачи были встречены с нескрываемым недоверием. Это недоверие сыграло свою отрицательную роль, отразившись на качестве факультетских планов, страдающих рядом существенных дефектов и пробелов. Исходя из этого настоящий план приходится признать только первым и крайне несовершенным приближением к поставленной директором цели, но приближением могущим значительно облегчить дальнейшую работу, поскольку выявлены вопросы, подлежащие освещению в плане, и те пункты, по которым в данное время еще нет нужных показателей»⁹⁸.

Московский университет после 2-летних активных действий по его расформированию (начало 1929 – середина 1930 г.) был в состоянии полной разрухи. В постановлении ВУЗбюро ВКП(б) от 1 сентября 1930 г. констатируется, что «университет страшно отстал в выполнении решений партии и правительства по вопросу о кадрах... Темп работы крайне медленный, труддисциплина среди сотрудников аппарата, научных работников и студенчества крайне низка. Качественный состав аппарата не удовлетворителен. Система управления крайне сложна и запутана, отсутствует четкое разделение труда и ответственность за качество и результаты проводимой работы. Имеет место сильная текучесть в руководстве деканатов. Единоначалие до сих пор является декларативным положением. План работы на 1929/30 г. отсутствует. Общеуниверситетское руководство по административной и учебной линии почти отсутствовало, деканатское было крайне слабо... Материальная база университета совершенно неудовлетворительна (до сих пор не погашена значительная задолженность за 1929/30 г.), положение с учебно-жилищным фондом вопиюще ненормально (2 000 человек посторонних, живущих в университетских зданиях). ... В таком состоянии, с огромным количеством всяческих прорывов (не окончен ремонт аудиторий, недостаток преподавателей, отсутствие программ и т.д.) принял университет новое общеуниверситетское и факультетское руководство»⁹⁹.

Положение требовало от нового руководства глубокого понимания роли и места Московского университета в высшей школе, в стране. Нужно было четко определиться с тем, что должен повлечь за собой его переход на факультетскую

структуру. Ведь это явно были бы уже не те факультеты, что прежде. Фундаментальная наука и передовая по тем временам техника мощно врывается в стены МГУ.

В.Н.Касаткин: «В системе учреждений, выполняющих задачу подготовки кадров по самым разнообразным специальностям, Московский государственный университет играет не последнюю роль и по своей величине и по имеющимся в нем научным силам. Как же подготовлена для своей ответственной роли эта «фабрика кадров», имеющая 3 106 студентов, 751 научных работника и 143 аспиранта?»¹⁰⁰.

ИЗ ПРИКАЗА ДИРЕКТОРА МГУ В.Н.КАСАТКИНА

№154 от 18 октября 1930 г.

За последние дни я посетил ряд учебных занятий и вынужден констатировать, с одной стороны, чрезвычайно низкий уровень академической успеваемости и трудовой дисциплины студенчества, а с другой стороны, слабую трудовую дисциплину среди научных работников и отсутствие среди части научных работников сознания ответственности за порученное им дело (опоздания, пропуски, плохое знание учащихся в группах, отсутствие должной требовательности к студентам, недостаточное внимание к отстающим, примитивное понимание активных методов работы и т.д.). В целях резкого изменения создавшегося положения и для выполнения директив правительства о качестве продукции... приказываю:

1. Пом<ошнику> директора по НУЧ (Научно-учебная часть. – *Е.И.*), зав. факультетами, их помощникам, зав. отделениями и кафедрами путем личного посещения изучать состояние учебной работы в группах и до 10.XI провести по группам производственные совещания, <на> кафедрах и в методбюро обсуждение применяемых методов преподавания и учета успеваемости. Пом<ошнику> директора по НУЧ не позднее 15.XI созвать общеуниверситетскую методологическую конференцию.

6. При рассмотрении учебных планов в методбюро факультетов и университета добиваться скорейшего сокращения многопредметности и установить учебную нагрузку студентов ни в коем случае не выше 48 часов в декаду.

12. Зав. факультетами всеми способами обеспечить зимний выпуск оканчивающих не позднее 25.XII.30 г., объявить всем оканчивающим студентам о том, что никому не будет предоставлено ни малейшей отсрочки.

Архив МГУ, ф. 1, оп. 10, ед. хр. 1

Под «активными методами» В.Н.Касаткин имеет в виду так называемый «лабораторно-бригадный метод». Но у него своя точка зрения, далеко не во всем совпадающая с принятой установкой на «коллективную учебу». «Сущность этого метода, – пишет он в тезисах своего доклада на учебно-производственной конференции «Активные методы преподавания», – заключается в самостоятельной работе студентов по определенным заданиям с предварительной и последующей (обязательной) консультацией со стороны научных работников, в специальных лабораториях, кабинетах и библиотеках вузов и с подведением итогов на специальных достаточно частых конференциях... Самостоятельная проработка задания студентами должна проходить, в основном, в бригадах. Индивидуальная подготовка задания этим не устраняется, а, напротив, предполагается, как необходимая.

Разобравшись в порядке индивидуального изучения в поставленной в задании проблеме, студент в бригаде подвергает ее всесторонней проработке и обсуждению... При лабораторной системе работа бригад проходит по твердому расписанию при обязательном присутствии всех студентов и преподавателя. Последний наблюдает за работой бригады, помогая консультацией и непосредственным руководством»¹⁰¹. Одной из весомых причин для введения «бригадного метода» была острая нехватка учебников, учебных пособий.

ИЗ ПРИКАЗА ДИРЕКТОРА МГУ В.Н.КАСАТКИНА

№111 от 26 сентября 1930 г.

Для устранения недостатков в подготовке научной смены приказываю:

1) Зав. факультетами и пом<ошнику> директора по НУЧ до 10.X проверить индивидуальные планы работ каждого аспиранта и выдвиженца и степень их выполнения... Проверка должна отмечаться в дневниках аспирантов и выдвиженцев.

2) При утверждении плана работ аспирантов и выдвиженцев исходить из общего срока подготовки в 3 года и минимум 8 часов рабочего дня аспиранта и выдвиженца.

4) Установить 3-х месячный (со дня зачисления приказом по университету) испытательный срок для окончательного определения пригодности данного лица для аспирантской работы. Вменить в обязанность научным работникам-руководителям аспирантов и выдвиженцев по истечении этого срока сообщать свое мнение по этому вопросу зав. факультетом.

б) Запретить всем аспирантам и выдвиженцам какое бы то ни было совместительство и поездки без особого в каждом отдельном случае моего разрешения по представлению зав. факультетами. Аспирантам и выдвиженцам в настоящее время ведущим работу по совместительству к 15.X получить мое разрешение на это или ликвидировать совместительство.

7) Пом<ошнику> директора по НУЧ и зав. факультетом до 15.X провести совещание с аспирантами и выдвиженцами о состоянии их работы и представить мне систему мероприятий по улучшению научной работы аспирантов и выдвиженцев (снабжение литературой, печатание научных работ аспирантов, приспособление лабораторий и кабинетов для нужд научной работы и т.п.).

Архив МГУ, ф. 1, оп. 10, ед. хр. 1

Требовали своего решения и более широкие проблемы – проблемы стратегического характера в развитии Московского университета. В начале 30-х годов они приобрели исключительно острое звучание.

В.Н.Касаткин в записке в Наркомпрос писал: «Если оставить в стороне возможность ликвидации университета путем простого его расщепления (выделение факультетов в самостоятельные институты), то необходимо решительно поставить вопрос, с одной стороны, об основательной чистке учебной структуры университета, с другой о каком-то разделении труда между факультетами МГУ и такими же факультетами (физмех, биофак) других университетов¹⁰². По первой линии возможно выделение и передача в другие вузы ряда специальностей (скажем, на Литфаке педцикла, киноцикла), объединения некоторых циклов (музейный цикл Литфака и Истфака) и т.д. По второй линии необходимо добиваться

сосредоточения в каждом физмехматфаке и биофаке только ограниченного количества специальностей и комплектования этих специальностей в минимальных размерах. Параллелизм этих факультетов МГУ с такими же факультетами других университетов должен быть изжит, что сократит число специальностей в МГУ процентов на 50–60. В этой же связи уместно сказать, что директорат и общественные организации университета положительно относятся к проекту реорганизации университетов, выдвинутому сектором кадров НУЧ и сводящемуся в основном к выделению из университетов гуманитарных факультетов в самостоятельные институты и реорганизации физмехматфака и биофака в нечто вроде академии для массовой подготовки высококвалифицированных преподавателей для высшей школы (по общетехническим и биологическим дисциплинам) и научных сотрудников для научно-исследовательских институтов и лабораторий...»¹⁰³.

Но уже становится понятной на государственном уровне необходимость ориентации МГУ на подготовку научных кадров. «Задача университета, – пишет В.Н.Касаткин, – в настоящее время со всей определенностью формулируется руководящими органами Наркомпроса, как подготовка научно-исследовательских работников массового и высшего типа для опытных станций, лабораторий и НУЧей, в тоже время обладающих педагогическими навыками, чтобы дать кадры преподавателей для ВУЗов и ВТУЗов. Эта задача осуществляется факультетами и институтами, которые составляют университет. Эти два этажа должны быть теснейшим образом связаны между собой по линии учебной, хозяйственной и административно-распорядительной.

Всякий преподаватель ВУЗа или ВТУЗа должен быть не только педагогом, но и научным работником, а потому университет должен обладать и иметь в полном своем распоряжении такие учреждения, где могла бы протекать учебная работа его преподавателей и в то же время их научная работа. Такое учреждение должно находиться в полном распоряжении и подчинении у дирекции университета, как органа, планирующего, наблюдающего и ответственного за все течение и учебной и научной работы университета.

...Университет не может ограничиться определенным контингентом лиц, занятых научной работой в институтах; мыслимы... в будущем такие университетские преподаватели, которые, не входя в состав штатных работников научно-исследовательского института, должны иметь возможность вести в этом институте научную работу и притом так, чтобы их научная работа была увязана с педагогической работой в университете, что возможно только тогда, когда институт будет образовывать одно из органических звеньев университета...»¹⁰⁴.

4 года ректорства В.Н.Касаткина являются, по-видимому, самыми насыщенными крупными структурными преобразованиями и радикальными изменениями годами в истории МГУ. В это время оставшиеся после практически полного разгрома Московского университета в июне 1930 г. физико-математический и биологический факультеты были преобразованы в отделения, затем отделения ликвидированы и снова восстановлена факультетская структура университета. Были закрыты факультеты: литературы и искусства, историко-философский, советского права. Образованы и ликвидированы отделения: географическое, по-

чвенное, ботаническое, зоологическое, физическое, астрономо-математическое, механическое, историко-философское (преобразованное в ИФЛИ). Образованы и ликвидированы факультеты: физико-механический, биологический. Образован почвенно-географический факультет, а также входящие в нынешнюю структуру факультеты университета: механико-математический, физический, биологический, химический, исторический.

Конечно, не следует думать, что подобные преобразования проводились самостоятельно директором МГУ В.Н.Касаткиным. Ликвидация факультетов предусматривалась соответствующими правительственными документами. Задача восстановления факультетской структуры была определена постановлением ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. «Об учебных программах и режиме в высшей школе». В частности, этим постановлением было отменено применение в высшей школе «бригадно-лабораторного метода», который был квалифицирован как левацкое искривление линии партии в деле строительства высшей школы.

Непрерывный каскад новых формирований и новых ликвидаций, 3 года (с июля 1930 по апрель 1933 г.) неопределенности и неуверенности в завтрашнем дне МГУ. Но в конечном итоге – обретение Московским университетом той факультетской с кафедрами и научно-исследовательскими институтами структуры, которая в основе своей сохранилась и до настоящего времени.

Очень важно подчеркнуть, что еще больше года после восстановления факультетской структуры МГУ университетом продолжал руководить В.Н.Касаткин.

За этот год по предложению Московского университета СНК РСФСР принимает постановление о переходе на стабильные учебные планы, рассчитанные на 5-летний срок обучения, о введении специализации студентов с 3-го курса. В МГУ проводится очень большая работа по аттестации научно-педагогических кадров в связи принятием постановления СНК СССР «Об ученых степенях и званиях». В учебную работу вводится защита дипломных работ оканчивающими университет. Первой из 345 защищенных в 1933–34 учебном году таких работ была дипломная работа студента механико-математического факультета Х.А.Рахматулина. В апреле 1934 г. дирекция университета организует первую конференцию молодых ученых МГУ, на которой с докладами выступили будущие лидеры отечественной науки и ведущие профессора университета, такие как М.В.Келдыш (математик и механик, академик с 1946 г., президент АН СССР в 1961–1975 гг.), Л.И.Седов (механик, академик с 1946 г.), И.М.Гельфанд (математик, академик с 1984 г.), Д.И.Блохинцев (физик, член-корреспондент с 1958 г.), Н.А.Слезкин (механик, декан механико-математического факультета в 1958–1962 гг.) и др.

К важнейшим итогам работы В.Н.Касаткина, несомненно, следует отнести формирование первоклассного профессорско-преподавательского и научного состава университета. Именно в первой половине 30-х гг. в процессе формирования факультетской структуры МГУ были осуществлены решающие кадровые назначения на факультетах и в институтах.

Подчеркнем, что это были первые деканы новых факультетов. И поэтому их выбор имел особое значение: факультеты и университет в целом выбирали дорогу в будущее. Выбрали, как оказалось, правильную.

Деканом вновь образованного механико-математического факультета был назначен В.В.Голубев, физического факультета – С.Э.Хайкин, химического – А.В.Раковский, почвенно-геологического – А.А.Борзов; директора научно-исследовательских институтов – А.Н.Колмогоров (НИИ математики), Л.С.Лейбензон (НИИ механики), В.В.Геммерлинг (НИИ почвоведения), С.Н.Блажко (астрономическая обсерватория), В.Г.Фесенков (обсерватория в Кучино). Они и в последующие годы и десятилетия входили в главное ядро профессорского и ученого корпуса МГУ.

Иван Георгиевич Петровский также прочно закрепляется в профессорско-преподавательском составе МГУ. По представлению директора университета 2 июня 1933 г. решением Главного Ученого Совета Наркомпроса РСФСР (протокол №31) И.Г.Петровский был утвержден в ученом звании профессора по кафедре «Математика»¹⁰⁵.

По трудно объяснимым причинам, имя В.Н.Касаткина фактически вычеркнуто из истории МГУ, хотя он без малого 4 года стоял во главе первого и крупнейшего университета СССР.

Выпускник Петербургского учительского института, В.Н.Касаткин значился в списках работников университета с ноября 1924 г. в должности сверхштатного преподавателя кафедры «Советская система народного образования» физико-математического факультета. До этого он – участник гражданской войны: рядовой доброволец-красноармеец, начальник политуправления Кавказского и Западного фронтов, помощник начальника политуправления Революционного Военного Совета СССР (председателем РВС был Л.Д.Троцкий. – *Е.И.*). С 1925 г. – заместитель заведующего Главного комитета профессионально-технического образования РСФСР и начальник оргпланового управления. В 1929–1930 гг. В.Н.Касаткин – директор Донского политехнического института¹⁰⁶.

РЕКТОР АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ БУТЯГИН

И.Г.Петровский год и два месяца (сентябрь 1940 – ноябрь 1941 г.) работает как декан механико-математического факультета под непосредственным руководством ректора Алексея Сергеевича Бутягина. Очевидно, что выдвижение кандидатуры И.Г.Петровского на эту должность во многом, если не в основном, – решение персонально ректора, проголосованное и утвержденное затем в установленном порядке.

То, что написано о ректоре А.С.Бутягине, – противоречиво и слабо аргументировано. Выпускник 1906 г. физико-математического факультета Московского университета, математик по специальности, оставленный в свое время при университете для подготовки к профессорскому званию, имевший за плечами многолетний опыт преподавательской (профессор с 1929 г.) и административной работы (член Государственного Ученого Совета и Высшей квалификационной комиссии), 14 сентября 1934 г. приказом наркома просвещения А.С.Бубнова назначается директором МГУ (с 7 апреля 1939 г. А.С.Бутягин подписывает документы как ректор)¹⁰⁷. А.С.Бутягин проработал в этой должности более 7 лет. В том числе первые 4 месяца с начала Великой Отечественной войны.

К важнейшим результатам работы А.С.Бутягина в должности ректора МГУ можно отнести: принятие Устава Московского университета в 1939 г., организацию празднования его 185-летнего юбилея и работу по эвакуации университета из Свердловска в Москву.

К очевидным просчетам то, что он не воспрепятствовал втягиванию МГУ в «дело Лузина», в котором особую активность демонстрировала Академия наук СССР, а также «что-то», приведшее к его увольнению с поста ректора Московского университета в самом начале Великой Отечественной войны. Но что «это», так до сих пор неизвестно: версия о том, что Бутягин эвакуировался в Куйбышев, вместо Ашхабада, выглядит малоубедительно для такого сурового наказания.

Е.М.Сергеев: «Спокойную обстановку в университете во многом создавал его ректор, Алексей Сергеевич Бутягин, соратник С.М.Кирова во время гражданской войны. Во френче и пенсне он имел какой-то особенный интеллигентный вид. Человек очень мягкий, может быть, даже слишком мягкий для должности ректора, он в большинстве случаев мог добиться того, что считал принципиально важным для университета. До назначения Бутягина ректором в университете были тяжелые времена, когда из университета «вырывали» отдельные факультеты и на базе их создавали институты. Могу понять необходимость создания медицинских институтов на базе медицинского факультета, но выделение гуманитарных факультетов в отдельные институты (ИФЛИ, юридический) – бессмыслица, которая усугублялась тем, что Московскому университету в то же время было присвоено имя М.Н.Покровского. Бутягин добился снятия из названия Московского университета имени Покровского»...

Когда я уже учился на четвертом курсе, в 1940 г. Бутягин опять «добился» постановления правительства о праздновании: 185-летия Московского университета...»¹⁰⁸.

В связи со 185-летием МГУ впервые в истории СССР была осуществлена такая крупная политическая акция, какой стало награждение большой группы работников не только одного вуза, но и вообще – одного отдельно взятого учреждения и самого учреждения государственными орденами и медалями. 7 мая 1940 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Московский университет был награжден Орденом Ленина «за выдающиеся заслуги в области развития науки, культуры и подготовки высококвалифицированных специалистов», 49 профессоров, преподавателей и сотрудников МГУ получили государственные награды, в том числе ордена Ленина ректор А.С.Бутягин и академик Н.Д.Зелинский. 13 человек были отмечены орденом Трудового Красного Знамени, 25 – орденом «Знак Почета», 9 – медалью «За трудовое отличие»¹⁰⁹.

«Много А.С.Бутягин хорошего сделал для университета, – пишет Е.М.Сергеев, – но во время войны, к сожалению, повел себя не так, как следует вести себя ректору. Университет эвакуировался в Ашхабад, а его ректор вместе с Академией – в Куйбышев. Когда он умер, на гражданской панихиде пришедших проститься с ним можно было пересчитать по пальцам»¹¹⁰.

УСТАВ МГУ 1939 ГОДА

Среди результатов 30-х годов особое место занимает Устав Московского университета. Через 15 лет после принятия в августе 1939 г. этого первого в истории Московского университета его отдельного устава И.Г.Петровский создаст новую структуру университета. Она будет ориентирована на «постсталинскую» политическую ситуацию в стране, начавшуюся в мире научно-техническую революцию и переезд МГУ в новые здания на Ленинских горах.

Устав 1939 г. отразил в себе прежде всего опыт, который был накоплен в университетском строительстве за три десятилетия советской власти¹¹¹. Одновременно в уставе формулировались важнейшие задачи, которые предстояло решать Московскому университету при переходе СССР от социализма к коммунизму. Конституция СССР 1936 года провозгласила построение социализма в стране законченным.

Устав определил целью Московского университета «подготовку кадров, способных овладеть передовой наукой и техникой, вооруженных знаниями научного социализма, готовых защищать советскую родину и беззаветно преданных делу построения коммунистического общества»¹¹².

Устав утвердил принцип единоначалия в Московском университете. Статья 45 гласила: «На ректора возлагается: а) руководство на основе единоначалия всей деятельностью университета и представительство от его имени...» Соответственно на ректора возлагалась и вся полнота ответственности: «Ректор несет ответственность перед Народным комиссариатом просвещения СССР и Комитетом по делам высшей школы при СНК СССР за руководство Московским государственным университетом, за организацию учебного процесса, за подготовку высококвалифицированных и политически воспитанных советских специалистов, за научно-издательскую деятельность и административно-хозяйственную работу университета»¹¹³.

Решение по кандидатуре ректора полностью изымалось из ведения самого университета. В статье 44 говорилось: «Ректор университета утверждается и смещается Всесоюзным комитетом по делам высшей школы при СНК СССР по представлению Народного комиссариата просвещения СССР»¹¹⁴.

Создавался Совет Московского университета: «При ректоре и под его председательством организуется Совет Московского государственного университета, в состав которого входят заместители ректора – проректоры по учебной и научной работе, помощник ректора по административно-хозяйственной части, деканы факультетов, директора научно-исследовательских учреждений Московского государственного университета, заведующие кафедрами и другие лица по представлению ректора, директор библиотеки и представители партийной, комсомольской и профсоюзной организации университета. В состав Совета могут быть также включены лица профессорско-преподавательского состава и представители предприятий и учреждений, для которых Московский государственный университет готовит специалистов»¹¹⁵.

В целом Устав 1939 г. внес ясность и определенность во многие структурные и кадровые вопросы, которые в 30-х годах часто решались скоропалительно и под сильным влиянием текущего политического момента. Все это лихорадило университет, лишало его необходимой академической стабильности и возможности работать на перспективу. Уставом 1939 г. была четко определена роль кафедр и факультетов как основных учебных и научных подразделений университета. Устанавливался строгий распорядок учебных занятий.

Принципиальным и особой важности вопросом для Московского университета был вопрос о научно-исследовательской работе. В конце 20-х и в первой половине 30-х годов доминировала линия на то, что университеты, в том числе и Московский университет, не должны заниматься научными исследованиями, сосредоточившись исключительно на обучении студентов. Поэтому весьма сложным вопросом университетской структуры был вопрос о месте научно-исследовательских институтов в системе МГУ, об их взаимоотношениях с факультетами. В 1936 г. отмечалось, что «институты должны входить как организационная единица в состав факультета»¹¹⁶. По этой линии и шло развитие связей между двумя основными подразделениями университета, которые окончательно были решены лишь Уставом 1939 г. в пользу узаконения научной работы как важнейшей цели и задачи университета. Статьи 16 и 20: «Научно-исследовательская работа имеет целью разрешение наиболее актуальных проблем современной науки, способствующее выполнению важнейших задач социалистического строительства и обороны страны»... «Научно-исследовательская работа в Московском государственном университете является также одним из основных элементов учебного процесса, воспитывающим в аспирантах и студентах творческие навыки исследователей. Это обеспечивается учебным планом факультетов (спецсеминары, спецработы и экспедиции), индивидуальным учебным планом и защитой диссертаций аспирантами, а также организацией студенческих научных кружков, научных конференций и экскурсий». Финансовая сторона университетской науки определялась статьей 19 Устава так: «Научно-исследовательская работа университета обеспечивается как суммами по госбюджету, так и суммами, поступающими по договорам, заключенным университетом с другими учреждениями и хозяйственными организациями»¹¹⁷.

Вместе с тем Устав 1939 г. с момента своего утверждения стал серьезным препятствием на пути дальнейшего совершенствования структуры Московского университета, поскольку содержал в себе излишне детальную (точнее – мелочную) регламентацию всех сторон его деятельности, лишавшую ректора, проректоров, деканов, заведующих кафедрами, профессоров и т.д. даже самой незначительной свободы действий и самостоятельности.

Уже первые месяцы после начала Великой Отечественной войны показали чрезмерность такой жесткой регламентации, по причине которой принятие крайне быстрых решений тормозилось, что влекло за собой ошибки и издержки. Каждый приказ, касавшийся университета, сопровождался теперь припиской: «Внести соответствующие изменения в его Устав». А таких изменений за военные и первые послевоенные годы накопилось очень много. Количество факультетов возросло

с 7 до 12 (в их числе был образованный осенью 1943 г. факультет международных отношений, выделившийся в 1947 г. в самостоятельный институт – Московский государственный институт международных отношений – МГИМО), кафедр – с 95 до 111, лабораторий – с 64 до 101¹¹⁸. Ни одна из этих структур не была предусмотрена Уставом 1939 г. Так что его радикальный пересмотр стал неотложной задачей Московского университета. Была организована комиссия по пересмотру Устава под руководством проректора профессора В.И.Спицына. В 1944 г. в состав комиссии входили 9 человек. За каждым из них был закреплен определенный участок работы: В.И.Спицын осуществлял общее руководство, И.Г.Петровский разрабатывал положения устава, относящиеся к разделам «кафедра», «совет МГУ», «совет факультета»; С.Предводителев – «научная работа», «аспирантура», «научно-исследовательские институты», «музеи», «научные общества»; Г.Н.Амфитеатров – «вводная часть», «студенты», «учебная работа», «научно-педагогические кадры», «факультеты»; Н.И.Скаткин – «библиотека», «лекторий», «библиотечный совет», С.Д.Сказкин составлял перечень программ, кафедр, специальностей, по которым присуждались ученые степени; А.М.Данев занимался издательством, имуществом и средствами; Д.И.Покровский – внутренним распорядком, общественными организациями. Секретарем комиссии был Ю.А.Салтанов¹¹⁹. Работа продолжалась и при ректоре А.Н.Несмеянове. Окончена она была в 1953 г. ректором И.Г.Петровским.

И.Г.ПЕТРОВСКИЙ – ДЕКАН, АКАДЕМИК

7 сентября 1940 г. Иван Георгиевич Петровский назначается исполняющим обязанности декана механико-математического факультета¹²⁰, а 4 октября 1940 г. избирается на эту должность¹²¹. 1 июня 1944 г. И.Г.Петровский был освобожден от должности декана согласно личной просьбе¹²².

ИЗ СТАТЬИ В ГАЗЕТЕ «МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

от 18 января 1971 г.

Год 1940. На Моховой в конференц-зале идет расширенное заседание ученого совета механико-математического факультета. Выбирают декана. Впервые выбирают. Две кандидатуры¹²³. Оба кандидата достойны. Подавляющим большинством избран Иван Георгиевич Петровский. После года «бездеканья»¹²⁴ факультет обрел руководителя – компетентного, принципиального, доброжелательного и удивительно скромного.

А дел на факультете много. Прошло лишь два года после коренной реорганизации, когда был создан ряд новых кафедр, была введена штатно-окладная система и на ответственной руководящей работе к старшему поколению присоединилось среднее и талантливая молодежь. Работы много, но за плечами нового декана – представителя молодого и среднего поколения – 17 лет педагогического стажа, 12 лет научного. И научные работы – не рядовые, а содержащие решение очень трудных и важных проблем. Не случайно А.Я.Хинчин во время прохождения аспирантуры И.Г.Петровским проницательно предсказывал: «Будет выдающимся аналитиком».

Много забот у декана: свыше тысячи студентов; три научно-исследовательских института – математики, механики, астрономии; десятки аспирантов; большой профессорско-преподавательский коллектив. А управленческий аппарат небольшой. Но дело спорилось. И прежде всего потому, что новый декан как-то умел выделять действительно существенное и отбрасывать шелуху, ценил все подлинное, настоящее и отбрасывал фальшивое, дутое, умел учитывать мнение товарищей по работе и, будучи беспартийным большевиком, поддерживал тесный контакт с партийной организацией...

Жизнь и деятельность И.Г.Петровского в годы войны и первые послевоенные годы разделена как бы на два самостоятельные по времени отрезка.

Первый – с 1940 по 1944 г. В это время И.Г.Петровский – декан механико-математического факультета Московского университета.

Второй – с 1939 по 1955 г. В это время И.Г.Петровский – старший научный сотрудник МИ АН (в 1947–1949 гг. – зам. директора этого института). Одновременно он продолжает работу в Московском университете, занимая должность профессора по кафедре дифференциальных уравнений механико-математического факультета, с 1951 г. – заведующего этой кафедрой (после смерти В.В.Степанова 22 июня 1950 г.). Не покидает И.Г.Петровский должность ст.н.с. в МИАНе и тогда, когда в 1949–1951 гг. избирается академиком-секретарем Отделения физико-математических наук АН СССР.

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В 40-х ГОДАХ

Это – годы Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков, завершившейся победой СССР. Это – годы послевоенного восстановительного периода, годы изнурительного труда, но, одновременно, и небывалого духовного подъема народа-победителя.

Если первый из названных отрезков времени – 1940–1944 гг. – как-то изучен и представлен в литературе, то второй – 1939–1951 и далее до 1955 г. – до сих пор не привлек должного внимания исследователей истории Московского университета.

К началу 40-х годов Московский университет представлял собой сложную систему учебных, научных и вспомогательных учреждений. В составе университета было 7 факультетов, 95 кафедр, 11 научно-исследовательских институтов, 66 лабораторий, 27 кабинетов, 4 музея, 2 обсерватории, 2 биостанции, сектор заочного обучения, фундаментальная библиотека. На дневном отделении обучалось около 4,5 тыс. студентов, на заочном – около 4 тыс. В университете работало 613 профессоров и преподавателей (в том числе 14 академиков и 29 членов-корреспондентов АН СССР), 159 докторов и 227 кандидатов наук¹²⁵.

В 1940 г. механико-математический факультет состоял из 17 кафедр: астрометрии, астрофизики, аэродинамики, высшей алгебры, высшей геометрии, гидромеханики, гравиметрии, дифференциальной геометрии, дифференциальных уравнений, математического анализа, небесной механики, теоретической механики, теории вероятностей, теории упругости, теории функций, топологии и функцио-

нального анализа¹²⁶. Читались две самостоятельные дисциплины: истории и философии математики (проф. С.А.Яновская) и методики преподавания математики (ст. преп. А.И.Фетисов). В состав факультета также входил ГАИШ (с 1933 г.).

ВОЙНА. ЭВАКУАЦИЯ

ИЗ ПРИКАЗА РЕКТОРА МГУ А.С.БУТЯГИНА

№190 от 23 июня 1941 г.

Правительством СССР объявлено состояние войны и призыв в действительную армию и ВМФ военнообязанных запаса рождения 1905–1918 г. Приказываю: 1) деканам факультетов, директорам институтов и начальникам отделов – быстро, организованно и правильно перестроиться на учебную и научно-исследовательскую работу в условиях военного времени, согласно спецуказаний и по мобкалендарю. Учебный процесс (лекции, лабораторные занятия и др. работы) не должны нарушаться ни на минуту и выполняться по установленному расписанию...

Архив МГУ, ф. 1, оп. МГУ, ед. хр. 31

Приказом по МГУ от 12 июля 1941 г. была организована Местная противовоздушная оборона МГУ. В составе 1-й роты рядовыми бойцами механико-математического факультета вместе со своим деканом И.Г.Петровским стали крупнейшие ученые: С.Л.Соболев, П.С.Александров, А.Г.Курош, А.А.Ильюшин, А.А.Космодемьянский, Д.Е.Меньшов, Б.В.Булгаков¹²⁷.

2 октября 1941 г. началось первое генеральное наступления немцев на Москву. В городе было объявлено осадное положение. Москва приступила к эвакуации предприятий и учреждений. Подлежал эвакуации и Московский университет. В нем оставалась лишь небольшая группа, предназначенная для охраны зданий и сооружений, учебного и научного имущества. 29 октября на университет была сброшена 500-килограммовая фугасная бомба, нанесшая его зданиям значительные разрушения. Были повреждены Аудиторный корпус, здание Научной библиотеки им. А.М.Горького, Института психологии, разрушен памятник М.В.Ломоносову.

Затем происходит что-то странное и не нашедшее своего убедительного объяснения и по сей день. Следует...

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР В.П.ПОТЕМКИНА

№1021-л от 15 ноября 1941 г.

Ректора Бутягина А.С. за отъезд из г. Москвы без моего разрешения – с работы снять и предать суду.

Архив МГУ, ф. 1, оп. МГУ, ед. хр. 32

После увольнения А.С.Бутягина нарком В.П.Потемкин назначает исполняющим обязанности ректора МГУ профессора-географа Б.П.Орлова, бывшего на тот момент проректором. Он остается в этой должности год – до ноября 1942 г., когда его сменяет доцент-биолог С.Д.Юдинцев, пробывший на этом посту всего 2 месяца.

В эвакуации в Ашхабаде – свои исполняющие обязанности ректора: профессор-геолог М.М.Филатов (ноябрь–декабрь 1941 г.), а затем И.С.Галкин (декабрь 1941–декабрь 1942 гг.), бывший до того проректором МИФЛИ, влитого в декабре 1941 г. в МГУ.

15 января 1943 г. Председатель ВКВШ С.В.Кафтанов и нарком просвещения В.П.Потемкин свои приказы об освобождении А.С.Бутягина отменяют¹²⁸. Ему предписывается «приступить к исполнению обязанностей ректора». В этой должности А.С.Бутягин работает еще почти год – до 3 декабря 1943 г.¹²⁹ Однако в книге «Московский университет за пятьдесят лет Советской власти» годами его ректорства называются 1934–1941 гг.¹³⁰

Понятно, что все это создавало дополнительные трудности для МГУ, в том числе, конечно, и для работы И.Г.Петровского как декана.

ИЗ ПИСЬМА РЕКТОРА МГУ А.С.БУТЯГИНА
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СНК РСФСР А.Н.КОСЫГИНУ
«О МЕРОПРИЯТИЯХ ПО УКРЕПЛЕНИЮ МОСКОВСКОГО
ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. М.В.ЛОМОНОСОВА»

ноябрь–декабрь 1943 г.

Перед началом 1943/44 уч. года Московский ордена Ленина Государственный университет им. М.В.Ломоносова, эвакуированный в г. Москву летом 1943 г., оказался в очень трудном положении в отношении подготовки своей материальной базы для развертывания в полном объеме учебных занятий и научно-исследовательской работы.

Основные затруднения, которые МГУ не смог своевременно преодолеть, сводились к чрезвычайно медленным темпам капитального ремонта и восстановления учебных зданий университета, отсутствию топлива до середины ноября 1943 г., неудовлетворительному разрешению ряда жилищных и культурно-бытовых условий работы студенчества. Несмотря на распоряжения СНК СССР от 16.12.42 г. и 4.06.43 г., обязывавшие Мосгорисполком произвести восстановление и капитальный ремонт учебных корпусов МГУ к 1 августа 1943 г. и ассигнования Моссовету для этой цели в сумме 12,7 млн руб., календарный график работ, утвержденный Мосгорисполкомом 27.07.43 г., был сорван. К началу 1943/44 уч. г. МГУ не мог ввести в эксплуатацию около 20 000 кв. м выведенной из строя площади, что вызвало крайнюю тесноту в остальных помещениях и затруднило выполнение учебного плана...

В процессе подготовки к учебному году университетом были проведены следующие мероприятия: 1) Полностью осуществлен план приема студентов на 1 курс всех факультетов. 2) Организован ряд новых кафедр. 3) Почти все существующие кафедры полностью укомплектованы соответствующими кадрами. 4) Общее число факультетов увеличилось до 12 (перед войной было 7 факультетов). 5) Учебные занятия начаты в установленный срок 1.10 на всех факультетах и курсах, кроме 2–5 кур-

сов механико-математического факультета и 1 курса вновь организованного факультета международных отношений, где к занятиям приступили во второй половине ноября месяца.

Архив МГУ, ф. строительства новых зданий, ед. хр. 57

Согласно плану эвакуации, механико-математический факультет оказался разделенным на 3 части: одна в Москве, вторая в Ашхабаде, третья в Свердловске, куда, в частности, был эвакуирован ГАИШ¹³¹. В первоначальные планы входило также размещение университета в г. Ташкенте и И.Г.Петровский командировался туда в качестве представителя МГУ для ведения дел, связанных с эвакуацией, и для выполнения различных поручений по организации научно-исследовательской и педагогической работы университета. Но решение о размещении МГУ в Ташкенте отменяется и 18 ноября 1941 г. приехавший туда профессорско-преподавательский состав МГУ направляется в Ашхабад. И.Г.Петровский, согласно решению СНК, продолжает оставаться в Ташкенте¹³². В Ташкенте разворачивается работа несколько научных коллективов МГУ.

Пробыв 3 месяца в Ташкенте и завершив свою миссию, И.Г.Петровский с женой Ольгой Афанасьевной переезжают 3 февраля 1942 г. в Ашхабад¹³³. Но уже в июне выходит приказ о переводе МГУ в г. Свердловск.

ИЗ ПРИКАЗА ВСЕСОЮЗНОГО КОМИТЕТА ПО ДЕЛАМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
ПРИ СНК СССР И НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

№ 373-м от 16 июня 1942 г.

Во исполнение постановления СНК Союза ССР от 8 июня 1942 года за №893 Всесоюзный Комитет по делам высшей школы при СНК СССР и Народный Комиссариат Просвещения РСФСР приказывают: «Перевести Московский ордена Ленина Государственный Университет им. М.В.Ломоносова из гор. Ашхабада в гор. Свердловск и разместить его в зданиях Уральского Индустриального института...»

Архив МГУ, ф. 1, оп. 28, россыпь

Переезд в Свердловск уже рассматривается руководством и коллективом МГУ как решающий шаг к возвращению университета в Москву.

1 августа 1942 г. И.Г.Петровский командировался из Ашхабада в Свердловск, а 27 октября уже едет в Москву¹³⁴. 31 декабря возвращается в Свердловск¹³⁵. С 6 февраля по 15 марта 1943 г. он снова в Москве¹³⁶. Очередное возвращение в Свердловск и 16 мая 1943 г. И.Г.Петровский эвакуируется в Москву с первым эшеленом профессорско-преподавательского состава¹³⁷.

Вполне понятно, что одно только перечисление переездов и маршрутов свидетельствует о том особо трудном положении, в котором оказался И.Г.Петровский. Это были 2 года решения сотен организационно-бытовых дел и изнурительных дальних переездов из одного конца страны в другой.

Москва. Занятия в Москве, прерванные в связи с началом эвакуации и объявлением столицы на осадном положении, были возобновлены в феврале 1942 г. К этому времени в университете были собраны профессора и преподаватели, оставшиеся в столице. На всех факультетах были введены новые учебные про-

граммы. Для первых 3 курсов предусматривался сокращенный 4-летний курс обучения¹³⁸. Осенью 1942 г. прошел очередной прием на 1-й курс. Он был невелик и среди первокурсников насчитывалось всего 22 студента-мужчины¹³⁹.

П.С.Александров вспоминает: «Я вернулся в Москву 1 октября 1942 г. Московский университет находился в эвакуации сначала в Ашхабаде (1941–1942 гг.), потом (в 1943 г. и позже) в Свердловске. Но некоторое число профессоров (в частности, механико-математического факультета) оставалось в Москве. Поэтому оказалось возможным наладить в течение 1942–1943 учебного года занятия механико-математического факультета и в Москве. Студенты, желавшие заниматься, также нашлись среди молодых людей, не призванных в армию по состоянию здоровья, и среди девушек. Так или иначе лекции по первому курсу в Москве читали: А.Н.Колмогоров (математический анализ), Н.А.Глаголев (аналитическая геометрия), я (высшая алгебра). Были и некоторые специальные курсы и семинары... В феврале или марте 1943 г. я по-настоящему хорошо и близко познакомился с И.Г.Петровским, на короткое время приехавшим в Москву из эвакуации, в которой он находился вместе с механико-математическим факультетом Московского университета. Обе военные зимы И.Г.Петровский был деканом этого факультета и пробыл это время с ним сначала в Ашхабаде, а потом в Свердловске. В Москву И.Г.Петровский приехал, чтобы ознакомиться с положением дел на оставшейся в Москве его части»¹⁴⁰.

Член-корреспондент АН А.С.Монин, который был в 1942 г. студентом 4 курса механико-математического факультета, пишет: «Университет был эвакуирован в Ашхабад, но кое-кто из студентов остался в Москве, быстро собрались и некоторые преподаватели, в том числе и Колмогоров, ненадолго выезжавший с Академией наук в Свердловск. И университет, хотя и в очень небольшом составе, в Москве работал». Работал «по условиям военного времени... ускоренным темпом без каникул»¹⁴¹.

Находясь в конце ноября 1942 г. в Москве, Иван Георгиевич пишет жене: «...Вчера было заседание совета факультета... выдвигались кандидаты на получение Сталинской премии. Выдвинули... меня 12-ю против одного (моего)... На вчерашнем заседании объявили, что сегодня будет общеуниверситетский воскресник по доставке дров в школы, что должен участвовать весь коллектив. Встал я сегодня рано. Оказалось, что из всех профессоров и доцентов пришел только я один. Из нашего факультета пришло только несколько студентов. Я решил все же идти, чтобы показать нашим студентам, что надо работать. Но когда я приехал на место работы, то из студентов нашего факультета не оказалось никого. Поэтому я решил, что могу уйти, т. к. показывать пример некому...»¹⁴².

Ашхабад. «Ашхабадский» отрезок истории Московского университета измеряется 9 месяцами – с ноября 1941 г. по июль 1942 г. Эвакуация в Ашхабад была в основном завершена к январю 1942 г. Университет разместился в здании Туркменского педагогического института. Занятия начались с ноября 1941 г. 24 ноября исполняющий обязанности ректора МГУ М.М.Филатов подписал приказ о назначении деканов факультетов, в том числе и И.Г.Петровского деканом механико-математического факультета. Первую сессию в Ашхабаде удалось организовать в феврале 1942 г. Сессия началась сразу после занятий, без перерыва и переросла во второй семестр.

ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СНК ТУРКМЕНСКОЙ ССР А.ХУДАЙБЕРГЕНОВА ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СНК СССР А.Н.КОСЫГИНУ

11 декабря 1941 г.

Московский университет прибыл размещен работает Ашхабаде коллектив 800 профессоров преподавателей студентов тчк Несмотря просьбы университета Наркомпросу Потемкину КВШ Кафтанову Совнарком Туркмении обращался Совнарком союза открытия кредита ответа нет тчк Профессора студенты не получают зарплату стипендию более двух месяцев оказались исключительно тяжелом положении тчк Прошу вашего распоряжения открытию кредита перевода денег Московскому университету

Архив МГУ, ф.1, оп.1, ед.хр.2026

ИЗ ПИСЬМА ДОЦЕНТА МЕХАНИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ С.А.ГАЛЬПЕРНА¹⁴³

Ашхабад. 2 января 1942 г.

«Дорогой Иван Георгиевич, пользуюсь случаем и посылаю тебе письмо. Живем мы здесь сравнительно не плохо... Все получили квартиру (по комнате) и живем вместе. Преподавание идет, студентов на факультете человек 80, конечно, преподавание идет не так уж гладко – бывают всякие задержки, то ауд. нет, то переводили из одного общежития в другое, но все это мелочи. В пединституте открыли столовую, и это в особенности для студентов удобно, потому что расстояния здесь значительные и на ходьбу, обед, закупки приходится терять очень много времени, а пединститут находится в часе ходьбы от вокзала и минут 40 от центра города. Я пока живу в общежитии... не очень далеко от вокзала, поэтому когда приедешь, ты можешь позвонить, я приеду на вокзал, и тебе помочь ибо поезд приходит ночью (обычно около 12 ч.). По четвергам у нас конференции института, при мне было два доклада В.Ф.Кагана и Б.В.Гнеденко. Следующий доклад В.В.Немыцкого. Здесь ждут еще эшелона с оборудованием и книгами, сколько вагонов точно не известно, говорят что 18–19 вагонов... Для тебя, как говорят, оставлена комната метров около 20, в новом доме, где живет все начальство – туда же переселили позавчера... И.Галкина. С продовольствием здесь ничего себе. Во первых, постояв в очередях (они очень долгие), можно достать колбасу, мясо или мясные изделия, пирожки, булки и т.д. Можно купить молоко 7 р. литр. Есть много брынзы. На базаре продают редьку, капусту 3 р. кг., свеклу иногда репу (4 р. кг). Бывает, но нужно ловить, киш-миш 8–12 р. кг. Крупы никакой нет. Кукурузы и горошка как в Ташкенте нет. И хозяйки наши ходят в столовые и берут каши на дом – это нетрудно. Приличная порция стоит 50–70 коп. Хлеб по карточкам достать легко, очередей почти нет. В прошлом месяце давали по 200 гр. сахару и 100 гр. конфет. В этом пока выдали карточки. Пообедать в столовой можно, стоит мясной обед с хлебом от 4–10 рублей. В пединституте обед без хлеба стоит 2–3 рубля. Хозяйственного мыла нет или большие за ним очереди. Перед новым годом продавали мандарины и сливочное масло по 100 гр. Университет выдал нам мандарины, сливочное масло и табак. Нормы в зависимости от звания разные. Профессорам 450 гр. масла, а нам 250 гр. На базаре продают много кур – но сколько стоят, я точно не знаю, продают живых баранов по 500 р. или около этого. Видел продавали верблюжье мясо по 8 р. кг. Ширпотребу здесь много. В магазине... полно мануфактуры всякой. Есть костюмы, брюки и т.д.

Обувь есть, но дорого; туфли черные мужские на коже стоят около 200 рублей. Много трикотажа. Книг в магазинах по математике совсем нет. В Туркменской Гос. библиотеке русские издания есть, ибо библиотека получает обязательный экземпляр, читать можно лишь в читальном зале. В пединституте библиотека скверная. Наш кабинет пока не разобран, да это вероятно и нескоро произойдет, ибо нет еще полок и нет шкафов... Адрес твоей комнаты ул. Свободы 152, от вокзала 3/4 часа. От пединститута минут 20–25. Здесь находится Б.В.Шабат, он приехал вместе с библиотекой. Что с остальными нашими товарищами он не знает.

P.S. Я на всякий случай еще раз сообщаю, что нам уплатили до 15-го декабря и дали месяц подъемных. 923⁴⁰ тебе перевели двумя переводами (вычти стоимость перевода по телеграфу по 19 р. за перевод). Остальные 1400 рублей я сказал, чтобы пока не переводили...»

Архив П., ф. 1, ед. хр. 16

Однако уже к марту 1942 г. стало ясно, что выбор Ашхабада для эвакуации Московского университета был не самым лучшим из возможных. Не было самых необходимых для работы вещей: в Ашхабаде никогда не производилось лабораторной посуды, пробирок, все присылалось из центра. Один пример. Для кафедры гидробиологии – вода – основа исследований. Заведующий кафедрой С.Н.Скадовский приспособил купленный на базаре рукомыничек и от него провел резиновую трубочку – вот и все оборудование.

Тем не менее в Ашхабаде удалось осуществить выпуск из Московского университета специалистов первого военного года¹⁴⁴. Их было всего 120 – 86 гуманитариев и 34 естественника¹⁴⁵. Среди них А.Д.Сахаров. «Наш курс, – вспоминает он, – выпускался со специальностью «Оборонное металловедение». Это название, в основном, было данью времени; по существу же металловедение мы знали очень мало и тем более – оборонное; непонятно, что это вообще такое. Все же доц. Дехтяр (тот самый, который привлек меня к изобретательской деятельности летом 1941 года) прочел нам небольшой курс, из которого я почерпнул такие понятия, как аустенит, текстура, дислокации и т.п. Потом я мог не смущаться, встречая эти термины в каких-либо книгах... Вскоре декан проф. А.С.Предводителев вручил мне диплом об окончании МГУ (с отличием), специальность «оборонное металловедение», с правом работать преподавателем физики в средней школе. Я получил направление на военный завод в город Ковров и выехал по назначению. Мне кажется, что для каждого из нас – ашхабадских студентов – эти полгода с небольшим остались каким-то глубоким, незабываемым периодом жизни. Через несколько лет мы услышали о страшном землетрясении, уничтожившем большую часть Ашхабада, в том числе и те районы, где мы жили и учились»¹⁴⁶.

ИЗ ПРИКАЗА ВКВШ ПРИ СНК СССР И НКП РСФСР

№ 373-м от 16 июня 1942 г.

Во исполнение постановления СНК Союза ССР от 8 июня 1942 года за №893 Всесоюзный Комитет по делам высшей школы при СНК СССР и Народный Комиссариат Просвещения РСФСР приказывают:

§1. Перевести Московский ордена Ленина Государственный Университет им. М.В.Ломоносова из гор. Ашхабада в гор. Свердловск и разместить его в зданиях Уральского Индустриального института.

§3. Ректору университета закончить учебные занятия Ашхабадской части университета и отозвать преподавателей и студентов с сельскохозяйственных работ.

§4. Отозвать из Ашхабада в Москву для работы в Университете 20 научных работников по списку...

§5. ...Уполномоченным по отправке университета из г. Ашхабада утвердить заместителя ректора Университета т. Галкина И.С.

Архив МГУ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2026

Переезд был завершён к сентябрю месяцу.

Свердловск. «Свердловский» период в истории МГУ так же, как и «ашхабадский», был непродолжительным – около 8 месяцев (с октября 1942 по июнь 1943 г.). Занятия начались 13 октября 1942 г. в здании Индустриального института. В начале ноября 1942 г. в помещении, которое занял университет, произошел пожар. Он начался около 6 часов вечера, пламя охватило здание, где было размещено 14 вагонов только накануне привезенного ценнейшего оборудования. Оно было спасено руками научных работников, живших рядом в бараках и корпусах. В течение часа при 30-градусном морозе на руках сотрудники выносили аппаратуру. Спасено было все. И на другой день внесено опять. В результате пожара было потеряно около 50 аудиторий. Работать приходилось в три смены с 8 утра до 11.50 ночи. И после учебы 94 человека отправлялись на разного рода работы, из которых 50, как правило, посылались на снегоочистку. Явка была строго обязательна согласно постановлению правительства. Кроме того, все работы уборщиц, швейцаров... выполняли студенты и научные работники. 40 человек обслуживали теплоцентраль, работали по подкатке угля, очистке помещения и т.д. Это была дополнительная работа, но без нее университет не мог обойтись, и если учесть коллектив студенчества – 940 человек и коллектив научных работников около 350 человек, то можно представить, через сколько дней каждому нужно было работать¹⁴⁷.

Перевод в Свердловск мало что изменил в плане научной работы. Конечно, этот город представлял собой большой индустриальный центр и там можно было наладить связь с промышленностью. Однако, за исключением 2–3 отдельных кафедр, в Свердловске было положение не лучше чем в Ашхабаде. Это не удивительно, поскольку всякая связь по научным работам шла не через заводы, заинтересованные в массовом производстве, а через центральное управление, находившееся в Москве.

На проходившей 19–23 февраля 1943 г. сессии пленума Ученого совета Московского университета было принято постановление, в котором задача эвакуации в Москву была поставлена как основная: «Скорейшее восстановление в полном объеме в Москве всей научной и учебной работы университета, как единого мощного научно-учебного учреждения, в составе всех его факультетов и научных учреждений, с привлечением его лучших научных сил... Для успешного осуществления этой основной задачи Ученый Совет рекомендует следующие мероприя-

тия на ближайший период: 1. Перевезти в Москву к 1.04.43 эвакуированные части МГУ из Свердловска и других городов...»¹⁴⁸.

ИЗ ПРОЕКТА ПОСТАНОВЛЕНИЯ СНК СССР О МОСКОВСКОМ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМ. М.В.ЛОМОНОСОВА

В целях восстановления и развертывания нормальной учебной и научно-исследовательской работы Московского университета необходимо в ближайшее время возвратить в Москву весь коллектив Университета, находящийся в г. Свердловске со всем профессорско-преподавательским и учебно-вспомогательным персоналом, студентами, членами семей, имуществом и всем оборудованием.

Общее количество лиц, подлежащих возвращению, следующее: профессорско-преподавательский состав 270; учебно-вспомогательный состав 90; членов семей 500; студентов 600. Для вывоза оборудования необходимо 12 товарных вагонов.

Архив МГУ, ф. строительства новых зданий, ед. хр. 58

Резэвакуация. Резэвакуация университета была объявлена распоряжением СНК СССР №7720-р от 15 апреля 1943 г. и соответствующим приказом Наркомпроса РСФСР №1376 от 23 апреля 1943 г.¹⁴⁹ Официальные версии истории МГУ замалчивают факт руководства университетом в этот ответственный период ректором А.С.Бутягиным. 22 мая 1943 г. объявлялся последним днем занятий для студентов в г. Свердловске¹⁵⁰.

Но накануне отъезда из Свердловска И.Г.Петровский ждало приятное событие. На состоявшемся Общем собрании АН СССР, часть которой также была эвакуирована в Свердловск, он избирается ее членом-корреспондентом по Отделению физико-математических наук.

Снова Москва. С воссоединением московской и свердловской частей МГУ объединил в себе 11 факультетов и 130 кафедр. Профессорско-преподавательский состав насчитывал 574 человека, в том числе 227 профессоров и 239 доцентов. В числе профессоров было 11 академиков и 21 член-корреспондент АН СССР¹⁵¹. Первым и важнейшим шагом к нормализации работы университета стало решение Ученого совета об установлении твердой цифры приема на 1 курс – 1100 человек. С начала войны прием велся круглый год¹⁵².

Отметим, что для «свердловской» части университета Наркомат просвещения определил прием всего лишь в 350 человек. И.Г.Петровский указывал на недопустимость таких малых норм, являющихся одной из причин, мешающих полноценному развертыванию сил университетского коллектива: «...Если при прежних нормах приема на мехмат 250 человек к третьему курсу доходила одна группа астрономов, то теперь к третьему курсу приходит один астроном и для этого одного астронома в Свердловске и 1–2 здесь (в Москве) приходится полностью проводить учебный процесс. Совершенно понятно, что квалифицированные силы используются недостаточно. Дело в том, что специалисты астрономы нужны для страны. Количество механиков, которых мы выпускаем, недостаточно. Думаю, что нам нужно сейчас перед Комитетом поставить вопрос о предоставлении университету тех норм приема, которые бы обеспечили полную работу»¹⁵³. В Свердловске, с разрешения Наркомата, при условии возможности размещения перво-

курсников в городе, университет принял 600 человек. Такой увеличенный набор был сделан специально: многие из тех кто был зачислен, мог и не приступить к занятиям. Так оно и случилось: к занятиям приступили всего 450 человек. Прием был закончен к октябрю, причем мехмат был укомплектован практически отличниками, в то время как на некоторые другие факультеты принимали с посредственными оценками или даже без экзаменов.

По возвращении из эвакуации в Москву механико-математический факультет имел в своем составе 19 кафедр: математического анализа, высшей геометрии и топологии, высшей алгебры, теории функций, теории вероятностей, дифференциальной геометрии, дифференциальных уравнений, теории чисел, теоретической механики, теории упругости, гидромеханики, аэромеханики, прикладной механики, астрометрии, небесной механики, астрофизики, кометной астрономии, звездной астрономии, гравиметрии¹⁵⁴.

Еще год после возвращения МГУ в Москву И.Г.Петровский работает деканом механико-математического факультета. 1 июня 1944 г. он, как гласит заявление, освобождается от этой должности «согласно личной просьбе»¹⁵⁵. Его сменяет профессор В.В.Голубев.

МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМ. В.А.СТЕКЛОВА АН СССР ИЗ ХАРАКТЕРИСТИКИ И.Г.ПЕТРОВСКОГО

от 30 мая 1946 г.

Петровский, Иван Георгиевич... работает в Математическом институте им. В.А.Стеклова АН СССР в должности старшего научного сотрудника с 1939 г.; автор важных работ по теории дифференциальных уравнений, теории вероятностей и алгебраической геометрии...

Дана для представления в АН СССР.

Подписи: Директор Математического института им. В.А.Стеклова АН СССР академик И.М.Виноградов, секретарь парторганизации Б.И.Сегал, председатель месткома Д.А.Райков.

Архив РАН, ф. 411, оп. 3, ед. хр. 321, л. 82

В этой должности И.Г.Петровский пребывает до 1955 г., совмещая ее в 1947–1948 гг. с постом заместителя директора Института по научной работе, в 1949–1950 гг. – с должностью академика-секретаря Отделения физико-математических наук АН, в 1951–1955 гг. – с должностью ректора МГУ.

Можно с уверенностью предположить, что такое совмещение должностей не было обусловлено финансовой стороной (зарплатой совмещителя).

О МИАНе. В 1919 г. академик В.А.Стеклов был избран вице-президентом Академии и председателем ее хозяйственного комитета. Вся работа Академии в этот труднейший период связана с его именем: он наладил печатание научных трудов, приобретение книг и журналов за границей, много поработал над восстановлением сейсмологических станций, состоял председателем постоянной сейсмической комиссии, библиотечной, издательской, строительной комиссий, комиссии по изучению производительных сил при Госплане, членом Комитета науки при СНК. В январе 1919 г. В.А.Стеклов вместе с академиками А.А.Марковым

и А.Н.Крыловым поставил вопрос об организации в Академии наук специального Математического кабинета. В том же году кабинет начал свою работу. Ему были присвоены имена П.Л.Чебышева и А.М.Ляпунова. Стеклов возглавил кабинет и передал ему свою библиотеку. В январе 1921 г. В.А.Стеклов представил в физико-математическое отделение записку об организации при Академии наук физико-математического института. Тогда же в связи с «назревшей в науке потребностью связать теснейшим образом физические науки с чисто математическими» был создан в составе математического кабинета, физической лаборатории и сейсмической сети Физико-математический институт Российской академии наук. Его директором был назначен В.А.Стеклов. Институт просуществовал до 1934 г., когда был разделен на два самостоятельных института – Математический институт имени В.А.Стеклова и Физический институт имени П.Н.Лебедева (имя В.А.Стеклова было присвоено Физико-математическому институту в 1926 г., сразу же после смерти Стеклова)¹⁵⁶.

С переездом в Москву АН СССР и МИАН многие профессора Московского университета становятся его научными сотрудниками (в основном по совместительству). Так, с 1934 г. и до конца жизни там работал П.С.Александров; с 1938 по 1958 г. заведующим отделом теории вероятностей был А.Н.Колмогоров.

В свою очередь переехавшие в Москву вместе с Академией ученые начинают устраиваться на работу в вузы столицы, поскольку академических научных учреждений в то время в ней практически не было. Большая часть академиков и членов-корреспондентов занимают преподавательские должности в Московском университете. Это в значительной степени поднимает научный статус университета.

О работе И.Г.Петровского в МИАНе. Этот период, особенно 1944–1949 гг., отмечен самыми первыми и очень высокими государственными наградами И.Г.Петровского: 1944 г. – (первый) орден Трудового Красного Знамени; 1945 г. – (второй) орден Трудового Красного Знамени; 1946 г. медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За трудовую доблесть», присуждение Сталинской премии 1-й степени; 1949 г. – (третий) орден Трудового Красного Знамени.

Вполне закономерно возникает вопрос – за что, за какие результаты в короткие 3 года старший научный сотрудник МИАН И.Г.Петровский отмечается столь часто и столь высоко?

Наиболее правдоподобной здесь выглядит гипотеза об активном научном участии И.Г.Петровского в какой-то особенно важной военной программе. Приняв эту гипотезу, можно более или менее непротиворечиво объяснить внешне ничем не мотивированный и документально не оформленный, по крайней мере в открытом порядке (приказ по министерству, приказ по университету, собственное заявление и т.д.), уход И.Г.Петровского в 1944 г. с должности декана механико-математического факультета. Военное время предельно жестко регламентировало всякие кадровые изменения и перемещения работников, тем более работников в мобилизационных сферах, какими тогда были и наука, и высшая школа.

Чем можно подкрепить эту гипотезу?

Во-первых, тем, что сфера чисто научных математических интересов, в которой И.Г.Петровский, несомненно, был одним из крупнейших, если не самым крупным в СССР того времени специалистом, находилась в самом прямом отношении в частности с ядерными исследованиями и конструкторскими разработками первых атомных бомб, а также с ракетостроением.

Имеются в виду, например, его результаты в области исследования параболических уравнений. Еще в 1937 г. И.Г.Петровским совместно с А.Н.Колмогоровым и Н.С.Пискуновым была выполнена работа «Исследование уравнения диффузии, соединенной с возрастанием количества вещества, и его применение к одной из биологических проблем». Эту работу относят к одной из первых в развитии теории горения, связь которой с теорией ядерных взрывов давно хорошо известна¹⁵⁷.

Академик Е.М.Сергеев, работавший в 1964–1978 гг. проректором и первым проректором МГУ, отмечает, что «исследования <И.Г.Петровского> были связаны с оборонной тематикой»¹⁵⁸.

Любопытные факты об участии математиков МИАНа в атомных проектах приводят В.Е.Кондрашов и И.Д.Софронов в статье «Математическое моделирование при разработке ядерных зарядов», опубликованной в 1994 г.: «Математические расчеты при создании атомного оружия играют особую роль... При работе ядерных зарядов реализуются такие физические условия, когда у разработчиков нет возможности увидеть детали работы конструкций, а также изучить отработавшие узлы и устройства. Натурные испытания дают только некоторые интегральные характеристики, а весь сложный и многоэтапный процесс взрыва моделируется только математическими расчетами. К созданию физических и математических моделей работы ядерных устройств как у нас, так и за рубежом привлекались очень многие выдающиеся ученые: физики, математики, программисты, экспериментаторы»¹⁵⁹. В частности, в главном советском центре по разработке ядерного оружия «Арзамас-16» с 1946 г. «основными источниками кадров у математиков были математические факультеты Московского и Ленинградского университетов, выпускники которых всегда составляли костяк коллектива ведущих специалистов... В самом начале освоение математических методов для нужд разработчиков ядерных зарядов было предложено расчетным группам Л.Д.Ландау в Москве и Л.В.Канторовича в Ленинграде, но довольно быстро эти работы перешли в отделение прикладной математики Московского Математического института АН СССР (ныне ИПМ РАН), возглавлявшееся М.В.Келдышем... В 1950-е гг. сотрудники М.В.Келдыша принимали активное участие в атомном проекте...»¹⁶⁰.

Расчетное бюро МИАНа, которым тогда руководил И.Г.Петровский, входило как часть в Отдел прикладной математики. Но все это, как тому и следовало быть, находилось в зоне особой секретности. «Даже руководители расчетных групп иногда не знали смысла тех величин, которые обсчитывались», а директор МИАНа И.М.Виноградов не имел формального допуска к работам, которыми занимались у него сотрудники Отделения М.В.Келдыша...»¹⁶¹.

Роль и место И.Г.Петровского в организации и проведении работ по оборонной тематике, которая в конце 40-х гг. расширяется за счет ракетных программ, главным теоретиком которых становится академик М.В.Келдыш, несомненно и значительно возрастают.

ИЗ ПРИКАЗА ДИРЕКТОРА МАТЕМАТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
АН СССР И.М.ВИНОГРАДОВА

№6 от 19 декабря 1946 г.

1. Освободить академика М.В.Келдыша с 1.01.1947 от обязанностей заместителя директора института ввиду перехода М.В.Келдыша на другую работу...

2. Назначить академика И.Г.Петровского заместителем директора института с установкой с 1.01.1947 оклада 6500 руб. в месяц...

Архив РАН, ф. 411, оп. 3, ед. хр. 321, л. 82

Но и после своего избрания академиком-секретарем Отделения физико-математических наук СССР И.Г.Петровский остается руководителем расчетного бюро МИАН.

ЗАЯВЛЕНИЕ И.Г.ПЕТРОВСКОГО ДИРЕКТОРУ МИАН
АКАДЕМИКУ И.М.ВИНОГРАДОВУ

от 7 июня 1949 г.

Так как мне поручена большая работа по Отделению физико-математических наук, прошу Вас освободить меня от обязанностей заместителя директора, оставив за мной должность старшего научного сотрудника и руководство расчетным бюро.

Архив РАН, ф. 411, оп. 3, ед. хр. 321, л. 88

Но близится 50-летие со дня рождения.

ИЗ ПИСЬМА ЗАМЕСТИТЕЛЯ АКАДЕМИКА-СЕКРЕТАРЯ
ОТДЕЛЕНИЯ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУК
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
Г.А.ГАМБУРЦЕВА В ПРЕЗИДИУМ АН СССР

от 26 декабря 1950 г.

Отделение физико-математических наук просит Президиум Академии Наук СССР возбудить ходатайство перед Правительством СССР о награждении академика И.Г.Петровского орденом Ленина в связи с его пятидесятилетием (18 января 1951 г.).

(Отметка на документе: «Доложено А.В.Топчиеву. В связи с тем, что ак. И.Г.Петровский представлен к правительственной награде (ордену Ленина) за выслугу лет и безупречную работу в 1950 г. и проект Указа находится в Президиуме Верховного Совета на рассмотрении, ак. Топчиев дал указание вторично не представлять. Подпись. 28.XII.50 г.»)

Архив РАН, ф. 411, оп. 3, ед. хр. 321, л. 89

И.Г.Петровскому этот (первый из пяти) орден Ленина с формулировкой указа – «за выслугу лет и безупречную работу» – был вручен в 1953 г. Можно, наверное, сказать, что тем самым была подведена определенная черта под его деятельностью в расчетном бюро МИАНа.

Начинался новый период жизни и деятельности И.Г.Петровского, когда главным местом его работы и приложения сил становится Московский университет.

РЕКТОР ИЛЬЯ САВВИЧ ГАЛКИН

И.Г.Петровский, будучи деканом механико-математического факультета, проработал с ректором И.С.Галкиным два с половиной года – с января 1942 г., когда Илья Саввич был назначен исполняющим обязанности ректора МГУ в Ашхабаде, до ухода И.Г.Петровского с должности декана в июне 1944 г.

До назначения И.С.Галкина ректором И.Г.Петровский находился в подчинении и.о. ректора М.М.Филатова, руководившего «ашхабадской» частью МГУ с 24 ноября 1941 г. до января 1942 г. Потом М.М.Филатов вернулся на свою прежнюю должность проректора МГУ. При М.М.Филатове начались первые крупные структурные преобразования в Московском университете. В декабре 1941 г. эвакуированный также в Ашхабад МИФЛИ был влит в состав Московского университета. Эта процедура сразу же трансформировалась в формирование трех гуманитарных факультетов – экономического, филологического и философского¹⁶². В марте 1942 г. организуется юридический факультет¹⁶³. Все они вместе с уже существовавшим историческим факультетом составили основу нового гуманитарного сектора МГУ.

Действительно, это был принципиально новый сектор университетского образования, который неверно было бы отождествлять как со всей совокупностью гуманитарных факультетов 1918–1930 гг., так и сравнивать с дореволюционным временем, а тем более сводить процесс развития гуманитарного сектора к «восстановлению» дореволюционных историко-филологического и юридического факультетов Московского университета.

На момент вступления И.С.Галкина в должность ректора МГУ 3 декабря 1943 г. университет находился в эвакуации в Ашхабаде и частично в Свердловске и состоял из факультетов: механико-математического, физического, биологического, химического, географического, геолого-почвенного, исторического, юридического, философского, экономического, филологического, факультета международных отношений.

На момент завершения И.С.Галкиным работы в должности ректора МГУ 31 декабря 1947 г. университет состоял из факультетов: механико-математического, физического, биологического, химического, физико-технического, географического, геолого-почвенного, исторического, юридического, философского, экономического, филологического.

Таким образом, за время ректорства И.С.Галкина из университета был выведен факультет международных отношений, преобразованный в Институт международных отношений. Создан физико-технический факультет (ФТФ МГУ).

К важнейшим результатам ректорства И.С.Галкина следует отнести учреждение Ломоносовских премий. В Постановлении СНК СССР «О мероприятиях по укреплению Московского университета им. М.В.Ломоносова» от 29 мая 1944 г. говорится: «Установить, начиная с 1944 г., в Московском Государственном Университете две ежегодных премии им. М.В.Ломоносова, из которых первую премию в 25 тыс. руб. и вторую в 10 тыс. руб. для присуждения их профессорам и преподавателям Московского Университета за лучшие научные труды. Устано-

вить, что премии им. М.В.Ломоносова присуждаются ученым Советом Московского Государственного Университета путем тайного голосования. Поручить Комитету по делам высшей школы при Совнарком СССР и Наркомпросу РСФСР утвердить Положение о порядке присуждения премии им. М.В.Ломоносова»¹⁶⁴. В том же году Ученый совет МГУ на своем заседании 4 декабря 1944 г. объявил имена первых лауреатов Ломоносовской премии: профессора физического факультета А.А.Власова и профессора химического факультета Ю.К.Юрьева.

«ЧУЖАЯ ТЕНЬ»

Начавшееся в драматические годы Великой Отечественной войны ректорство И.С.Галкина также драматически и завершилось. Он был отстранен от должности ректора с началом так называемой «борьбы с космополитизмом».

В 1947 г. Ученый совет МГУ по докладу ректора И.С.Галкина принял решение «О патриотическом долге ученых и задачах университета». В нем речь шла о том, что «в трудах отдельных ученых МГУ проявлялись элементы низкопоклонства перед буржуазной наукой и культурой, недооценка достижений науки и культуры народов Советского Союза, игнорирование роли отечественных ученых в развитии мировой науки»¹⁶⁵.

Вообще тема «преклонения перед Западом» исторически привязана к Московскому университету еще со времен противостояния «славянофилов» и «западников». Хотя смысл и сущность «западничества» и «антизападничества» в разное время носили принципиально разный характер, отрицательный оттенок и терминология «западничества» в политическом лексиконе борющихся общественных сил сохранялись. В последний раз Московский университет был в эпицентре аналогичного рода событий и политических бурь в 1936 г. в связи с известным «делом академика Н.Н.Лузина».

В 1947 г. в числе главных фигурантов «борьбы с космополитами» также оказался известный ученый-биолог, профессор Московского университета Г.И.Роскин и его жена профессор Н.Г.Клюева, работавшая в одном из московских медицинских институтов.

Г.И.Роскин был учеником Н.К.Кольцова. В 20-х гг. Г.И.Роскин руководил большим зоологическим практикумом на кафедре экспериментальной зоологии, созданной Н.К.Кольцовым при слиянии 2-го МГУ с биологическим факультетом университета. На этом практикуме студенты решали генетические задачи, знакомились с цитологией и генетикой домашних животных. И в последующие годы Г.И.Роскин работал в научном отношении весьма успешно. И.Г.Петровский, став ректором, поддержал исследования Г.И.Роскина и в 1959 г. для него была создана лаборатория цитологии и цитохимии раковой клетки¹⁶⁶.

С чего все начиналось и чем закончилось для МГУ?

В предвоенные годы профессора Н.Г.Клюева и Г.И.Роскин создали противораковый препарат «КР» («круцин», французский аналог «трипазона»), вопрос о действенности которого до сих пор вызывает споры специалистов. По просьбе авторов, рукопись вышедшей в Советском Союзе монографии «Биотерапия зло-

качественных опухолей» (Изд. АМН СССР. М., 1946) академик-секретарь АМН СССР В.В.Парин во время своего визита в США в 1946 г. в порядке научной информации передал американским издателям. Сталин, уверовавший в величайшую ценность «КР», счел это выдачей важнейшей государственной тайны. В.В.Парин по обвинению в шпионаже был приговорен к 25 годам заключения. Н.Г.Клюева и Г.И.Роскин, а также снятый со своей должности министр здравоохранения Г.А.Митирев, предстали перед «судом чести». По всей стране была проведена широкая кампания осуждения всех участников этой истории как космополитов. После XX съезда КПСС они были полностью реабилитированы¹⁶⁷.

Константин Михайлович Симонов написал на тему «космополитизма» пьесу «Чужая тень». Сам он так описывает работу над ней. «К И.В.Сталину были приглашены писатели А.Фадеев, Б.Горбатов и К.Симонов. На этой встрече Сталин сказал: «Надо уничтожить дух самоуничижения, – и добавил: – Надо на эту тему написать произведение. Роман». Я сказал, что это скорее тема для пьесы... – Надо противопоставить отношение к этому вопросу таких людей, как тут, – сказал Сталин, кивнув на лежащие на столе документы, – отношению простых бойцов, солдат, простых людей. Эта болезнь сидит, она прививалась очень долго, со времен Петра, и сидит в людях до сих пор... Надо над этой темой работать. ... Я понял, что ... от меня... ждали той пьесы, написание которой числилось как бы за мною с того самого дня, как мы были у Сталина... И я вдруг, ни минуты не размышляя, сказал Кузнецову (Кузнецов был помощником А.А.Жданова. – Е.И.), что пьесу я писать буду, что сажусь за нее в ближайшие дни и что помощь мне нужна, нужен серьезный консультант, крупный ученый, который помог бы ввести меня в курс некоторых микробиологических проблем, с которыми связано будет действие пьесы... еще через два дня встретился с академиком Здродовским, который и стал моим консультантом при работе над пьесой «Чужая тень»¹⁶⁸. Писал я ее без дурных намерений, писал мучительно, насильственно, заставляя себя верить в необходимость того, что делаю. Я особенно мучился потому, что зерно правды, которое воистину присутствовало в словах Сталина о необходимости уничтожить в себе дух самоуничижения, уже в полной мере присутствовало в написанной вольно, от души, может быть, в чем-то неумело, но с абсолютной искренностью и раскованностью повести «Дым отечества»¹⁶⁸.

31 декабря 1947 г. Илья Саввич Галкин был освобожден приказом министра высшего образования СССР С.В.Кафтанова от должности ректора МГУ. Есть основания полагать, что последней каплей, переполнившей чашу терпения власти, было присуждение в мае 1947 г. профессору Г.И.Роскину Ломоносовской премии 1-й степени за работу «Антибластомные вещества микробных клеток»¹⁶⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грэхэм Л. Очерки истории российской и советской науки. М., 1998. С. 312.

² В 1928-1931 гг. была развернута широкая кампания против «буржуазных специалистов». В эти годы тысячи работников Госплана, ВСНХ, Народного комиссариата земледелия, ЦСУ, Народного комиссариата финансов были изгнаны под предлогом правого уклона или принадлежности к чуждому классу. (Верт А. История советского государства. М., 1994. С. 218.)

³ Университеты и научные учреждения. М.–Л., 1935. С. 40.

⁴ Всероссийский съезд математиков проходил в Москве 27 апреля – 4 мая 1927 г. Он был создан по инициативе Научно-исследовательского института математики и механики при 1-м МГУ и Московского математического общества. В его работе приняли участие 378 математиков из 33 городов Советского Союза, в том числе представители УССР, РСФСР, БССР и УзССР. Таким образом, съезд имел всесоюзное значение. Наибольшие по численности делегации представляли Москву (210 чел.), Ленинград (37), Харьков (21), Киев (10), Воронеж (9), Ташкент (7), Смоленск (7), Казань (6), Одессу (6), Томск (6), Иваново-Вознесенск (6), Днепропетровск (4), Омск (4), Ростов-на-Дону (4). На съезде проводились пленарные и секционные заседания. Было организовано 4 секции: анализа и теории чисел, геометрии, математического естествознания, математической статистики. Всего было заслушано 9 обзорных докладов и 78 секционных. С обзорными докладами выступили Н.Н.Лузин – «Современное состояние теории функций действительного переменного», П.С.Александров – «Об основных направлениях современной топологии», С.Н.Бернштейн – «Современное состояние теории вероятностей и ее приложений» и др. На последнем заседании съезда А.В.Васильев выступил с докладом «Следует ли писать историю математики в России», Д.М.Синцов поставил вопрос о продолжении работ над отечественной математической библиографией. (*Штокало И.З. История отечественной математики: В 4 т. Т. 3. Киев, 1968. С. 52–53*)

⁵ Приказ МГУ №341 от 19.06.1956. Архив МГУ, ф.1, оп. МГУ, ед. хр. 235.

⁶ Форд Ч. Великий перелом на московском математическом фронте. Историко-математические исследования. Вторая серия, вып. 3 (38). 1999. С. 78.

⁷ Хворостин Гавриил Кириллович (1900–1938). Студент рабфака (1920–1923), студент физико-математического факультета (1924–1929) Московского университета. Аспирант (1930–1932), зам. директора НИИ Математики и механики (1932). Ректор Саратовского государственного университета (1935–1937). В 1937 г. арестован и расстрелян как враг народа. В ноябре 1956 г. во многом благодаря стараниям И.Г.Петровского был реабилитирован. (Ректоры Саратовского университета, 1999).

⁸ Форд Ч. Указ. соч.

⁹ Автобиография. Архив П., ф.1, ед. хр. 65, л. 1.

¹⁰ Автобиография. Архив МВ и ССО СССР, ф. 9606, личные дела сотрудников центрального аппарата Минвуза СССР, ед. хр. 5134.

¹¹ Автобиография. Архив П., ф.1, ед. хр. 65, л. 1.

¹² Чанбарисов Х.Ш. Формирование советской университетской системы. М., 1988. С. 121.

¹³ История Московского университета: В 2 т. Т. 2. М., 1955. С. 108.

¹⁴ Там же. С. 115.

¹⁵ Членами первого состава Временного Президиума Московского университета стали: К.П.Яковлев (заместитель председателя), А.М.Винавер, Н.В.Вихирев, Н.А.Звягинцев, Ю.А.Каплинский (секретарь Президиума: в дальнейшем он был назначен коллегией Наркомпроса политическим комиссаром при Правлении Московского университета); С.Г.Левит, М.М.Попов, А.К.Тимирязев. Все они имели право решающего голоса. С правом совещательного голоса в Президиум был введен К.А.Мацкевич (*Ремарчук В.В. Ректоры Московского университета. М., 1996. С.169*).

¹⁶ Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972. С. 325.

¹⁷ Из истории Московского университета в Советский период (1917–1941): Сб. статей. М., 1955. С. 85.

¹⁸ История Московского университета... С. 102.

¹⁹ Там же. С. 104.

²⁰ Высшая точка пролетаризации приходится на 1933–1935 годы. Удельный вес рабочих среди студентов университета составил 59,3% в 1932 г., 51,1% в 1933 г., 56,1% в 1934 г., 54,5% в 1935 г. 29 декабря 1935 г. ЦИК и СНК принимают постановление, которое отменяло все ограничения, связанные с социальным происхождением, при приеме в вузы. Это право было закреплено в Конституции СССР, принятой в 1936 г. Успешная сдача вступительных экзаменов становится единственной формой зачисления в число студентов. Рабфак Московского университета, подготовивший за 20 лет своего существования более 5 тыс. человек и сыгравший большую роль в пролетаризации университетского студенчества, в 1936 г. приказом Наркомпроса был закрыт. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. устанавливало порядок и единые сроки приема в вузы. Отличники школы принимались без экзаменов. Постановление СНК и ЦК от 11 июля 1940 г.

«О правилах приема в вузы» определяло число и состав вступительных экзаменов в зависимости от профиля вуза и факультета. (Московский университет за 50 лет Советской власти. М., 1967. С. 80–81).

²¹ Московский университет 1755–1930. Юбилейный сборник. Издание Парижского и Пражского Комитетов по ознаменованию 175-летия Московского университета. Париж, 1930. С.202.

2 августа 1918 г. СНК РСФСР принял декрет о правилах приема в высшие учебные заведения и постановление о преимущественном приеме в них представителей пролетариата и беднейшего крестьянства. По этим правилам каждый человек, достигший 16-летнего возраста, мог стать слушателем «любого высшего учебного заведения, без предоставления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы» (Декреты Советской власти. М., 1964. Т. III. С. 138, 141).

²² Московский университет 1755–1930... С. 196.

²³ История Московского университета... С. 9.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 15–16.

²⁶ Московский университет за 50 лет Советской власти. М., 1967. С. 49.

²⁷ Там же. С. 55.

²⁸ Там же. С. 42.

²⁹ Там же. С. 55.

³⁰ Московский университет 1755–1930... С. 241.

Марк Раев, историк русской эмиграции, пишет: «В 1922 г., по приказу Ленина, за границу было выслано более 100 представителей интеллигенции, в эмиграции, по некоторым оценкам, находилось около 500 ученых. Как и вся «великая эмиграция» из России, эти ученые были рассеяны по всей Европе и Дальнему Востоку, центрами научной деятельности были Берлин, Прага, Харбин, Белград, в меньшей степени – Рига, Варшава и София. Большинство <эмигрировавших> ученых до революции работали в провинциальных университетах на Украине и в Сибири, некоторые – в Москве и Санкт-Петербурге. Разумеется, уехали не все, кто хотел» (*Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919–1939. М., 1994. С. 199*).

³¹ Московский университет 1755–1930... С. 206.

³² Там же. С. 207.

³³ Положение об Ассоциации научно-исследовательских институтов при физико-математическом факультете. Архив МГУ, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 5.

³⁴ Московский университет за 50 лет... С. 58.

³⁵ С конца мая 1921 г. по постановлению Наркомпроса был сформирован новый Президиум Московского университета по главе с В.П.Волгиным. А в сентябре 1921 г. Декретом Совета Народных Комиссаров СССР было принято Положение «О высших учебных заведениях Р.С.Ф.С.Р.», являвшееся первым советским уставом высшей школы, введенным в действие с 1922 г. В соответствии с ним управление вузами было централизовано: все высшие учебные заведения были переданы в подчинение Наркомпросу по Главному Комитету Профессионально-Технического Образования (Главпрофобр). Деятельностью вуза руководило Правление данного вуза (3–5 чел.), члены которого назначались Наркомпросом. Правлению были непосредственно подчинены президиумы факультетов (Собрание Узаконений и Распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1921. №65. Ст. 486). Осенью 1921 г. впервые был осуществлен массовый прием по новым правилам. В первую очередь принимались окончившие рабфаки, во-вторую – командированные партийными, советскими и профсоюзными организациями. Из-за огромного наплыва новых студентов в университете возникли серьезные трудности. Так, на первый курс физико-математического факультета осенью 1921 г. было зачислено более 2 тыс. человек, тогда как факультет мог обеспечить более или менее нормальный учебный процесс для 1 тыс. студентов. Это вызвало резкое обострение политической ситуации на факультете и в университете в целом.

³⁶ Московский университет 1755–1930... С. 221.

³⁷ Там же, с. 241.

³⁸ Ремарчук В.В. Ректоры... С. 174.

³⁹ История Московского университета... С. 105.

⁴⁰ Вячеслав Петрович Волгин после окончания Кишиневской гимназии в 1897 г. поступает на физико-математический факультет Московского университета. Учеба неоднократно прерыв-

вася, в том числе по причине высылки из Москвы под надзор полиции за революционную деятельность. Он заканчивает курс университета только в 1908 г., но уже по историко-филологическому факультету как историк. Показав хорошую подготовку, В.П.Волгин был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Преподавательскую деятельность начинает в Московском городском народном университете им. А.Л.Шанявского. Член РКП(б) с 1920 г. После Октябрьской революции В.П.Волгин активно участвует в социалистических преобразованиях высшей школы и научных учреждений. 3 марта 1919 г. Наркомпрос принимает постановление о создании в Московском университете факультета общественных наук (ФОН), в состав которого вошло историческое отделение историко-филологического факультета. Избран первый президиум ФОНа в составе И.Д.Удальцова, А.М.Винавера, Г.М.Сергиевского. В.П.Волгин назначается (первым) деканом ФОНа. Он один из инициаторов создания Социалистической (затем Коммунистической) академии и один из первых профессоров Института красной профессуры. В 1921–1922 гг. В.П.Волгин является заместителем председателя Главного комитета профессионально-технического образования Народного комиссариата просвещения РСФСР (Глафпрофобр), в 1921–1929 гг. – член Главного ученого совета. (*Ремарчук В.В.* Ректоры... С. 170–173).

⁴¹ История Московского университета... С. 109.

⁴² Там же. С. 98.

⁴³ *Волгогонов Д.А.* Сталин. Кн. 2. М., 1996. С. 535.

⁴⁴ История Московского университета... С. 43.

⁴⁵ Там же. С. 45.

⁴⁶ Там же. С. 107.

⁴⁷ Там же. С. 112.

⁴⁸ Московский университет и армия. М., 1997. С. 32.

⁴⁹ *Вернадский В.И.* Дневники: 1917–1921. Киев, 1994. С. 211.

⁵⁰ История Московского университета... С. 112.

⁵¹ *Тугаринов И.А.* ВАРНИТСО и Академия наук СССР (1927–1937 гг.)... С. 47.

⁵² Летопись Московского университета: 1755–1979. М., 1979. С. 197–198.

⁵³ Там же. С. 201.

⁵⁴ Там же. С. 200.

⁵⁵ Там же. С. 202.

⁵⁶ Тема, связанная с известным «делом Лузина», стала разрабатываться под руководством Адольфа Павловича Юшкевича (1906–1993) в самом начале 90-х гг. С того времени был опубликован ряд очень важных документов и других материалов, принадлежащих перу С.С.Демидова, В.Д.Есакова, А.И.Володарского и др.

⁵⁷ *Дмитрий Федорович Егоров* родился в Москве. После окончания Московского университета в 1891 г. был оставлен в нем для подготовки к профессорскому званию. Защитил магистерскую и докторскую диссертации. Тема докторской диссертации (1901) «Об одном классе ортогональных систем». Все время работал в Московском университете (в 1893 г. – приват-доцент, а с 1903 г. – профессор). Первые исследования Д.Ф.Егорова относятся к дифференциальной геометрии и связанным с ней вопросам теории уравнений в частных производных... Несколько геометрических работ Егорова посвящено изгибаниям на главном основании (*Штокало И.З.* История... математики... Кн.2. С. 434).

⁵⁸ *Рыбников К.А.* История математики. Ч. II. М., 1963. С. 310.

⁵⁹ *Вернадский В.И.* Дневники 1917–1921. Киев, 1994. С. 14.

⁶⁰ Имяславцы – секта, возникшая в 1910–1912 гг. в православных монастырях Старого Афона (Греция). Вопреки официальному православию они утверждали, что человек может славить только имя бога, но не его самого. Имяславцы были отлучены от церкви и высланы в Россию. После Октябрьской революции создавали на Северном Кавказе нелегальные скиты, впоследствии ликвидированные (Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 492).

А.Тахо-Годи пишет: «Знаменитый имяславец и математик Д.Ф.Егоров тоже был арестован и сослан на 5 лет в Казань, но, добравшись до Казани, там вскоре умер. Не вынес. Как рассказывал мне потом профессор В.Н.Щелкачев, замечательный человек и ученый, друг Лосевых, единственный в 1996 году оставшийся в живых из всех, связанных Делом №100256 (а их было 48 человек), Д.Ф.Егоров похоронен на Арском кладбище рядом с могилой великого Лобачевского» (*Тахо-Годи А.* Лосев. М., 1997. С. 127).

Демидов С.С.: «В 1931 г. Дмитрий Федорович Егоров после года Лубянки был отправлен в ссылку в Казань. Там по причинам, нам не известным, он объявил голодовку и, будучи тяжело больным человеком (он страдал язвой желудка), быстро терял силы. На последнем его видел знаменитый алгебраист профессор местного университета Н.Г.Чеботарев. Он пытался уговорить его прекратить голодовку, доказывая бесперспективность подобных действий в советских условиях. Но даже если бы Егоров и последовал этим уговорам, было уже поздно – его организм был слишком ослаблен» (*Демидов С.С.* Москва научная. М., 1997. С. 157).

⁶¹ Московский университет. 1960. №9.

⁶² Архив МГУ, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 37, с. 137.

⁶³ Годы жизни: Д.Ф.Егоров – 22.12.1869–10.9.1930; Н.Н.Лузин – 9.12.1883–28.2.1950.

⁶⁴ *Демидов С.С.* Москва математическая // Москва научная. М., 1997. С. 317.

⁶⁵ *Штокало И.З.* История... математики. Т. 2. С. 425.

⁶⁶ Там же. С. 437.

⁶⁷ *Вернадский В.И.* Переписка с математиками. М., 1996. С. 20.

⁶⁸ *Демидов С.С., Левшин Б.В.* Дело академика Николая Николаевича Лузина. СПб., 1999. С.97.

⁶⁹ *Олейник О.А., Янин В.Л.* Ректор И.Г.Петровский // Природа. №5. 1980. С. 22–33.

⁷⁰ Неточность: при физико-математическом факультете.

⁷¹ *Александров П.С.* Страницы автобиографии. УМН, 1979. Т. 34. Вып. 6. С.241.

⁷² Штатное расписание НИИММ при физико-математическом факультете 1 МГУ (как и других аналогичных институтов при этом факультете) имело следующую номенклатуру должностей: действительный член института, научный сотрудник первого разряда, научный сотрудник второго разряда. Различие между этими должностями заключалось в степени участия в выборах новых членов института. Так, научные сотрудники второго разряда участия в выборах не принимали. Действительные члены института и научные сотрудники первого разряда избирались на срок 10 лет, второго разряда – на срок 5 лет. Различались эти должности и по размерам заработной платы. Слово «аспирант» было введено в официальные документы в 1926 г. До этого «аспирантами» были фактически научные сотрудники второго разряда. Другими НИИ были: институт физики (директор профессор Б.М.Гессен), институт химии (директор профессор А.В.Раковский), институт ботаники (директор профессор Г.Г.Боссэ), институт зоологии (директор доцент А.М.Быховская), институт географии (директор профессор А.А.Борзов), институт почвоведения (директор профессор В.В.Геммерлинг), институт микробиологии (директор А.В.Каляев), институт антропологии (директор профессор С.С.Кривцов), институт астрономии (директор А.А.Канчев).

⁷³ Проведенная в 1939 г. перепись населения показала, что абсолютное большинство специалистов с высшим образованием окончили вузы уже при Советской власти, причем свыше 70% – в 1929–1937 гг. (*Елютин В.П.* Высшая школа общества развитого социализма. М., 1980. С. 72).

⁷⁴ Университеты и научные учреждения... С. 35.

⁷⁵ Там же. С. 37.

⁷⁶ *Александров П.С.* Страницы автобиографии....

Постановлением СНК РСФСР от 20 августа 1934 г. НИИ математики и механики был разделен (с 1 января 1935 г.) на два самостоятельных института – Институт математики и Институт механики. Директором Института математики был назначен профессор А.Н.Колмогоров, а Института механики – профессор Л.С.Лейбензон.

⁷⁷ *Демидов С.С.* Математический сборник в 1866–1935 гг. // Историко-математические исследования. Вторая серия, вып. 1 (36). №2. 1996. С. 143.

⁷⁸ *Демидов С.С.* Москва научная... С. 147.

⁷⁹ *Александров П.С.* Лузинская математическая школа // Математика в школе. 1977. №5.

⁸⁰ *Понтрягин Л.С.* Жизнеописание Л.С.Понтрягина, математика, составленное им самим. 1998. С. 73.

⁸¹ Из истории Московского университета... С. 229.

⁸² Красное студенчество. 1929/30 учеб. год. №16. С. 12. «Советское студенчество» – ежемесячный общ.-полит. и науч. ж. ЦК ВЛКСМ в 1924–1941, 1946–1947. В 1924–1925 название «Красная молодежь», с 1925 по 1935 г. – «Красное студенчество».

⁸³ Из истории Московского университета... С. 225.

⁸⁴ *Шарапов Ю.П.* Лицей в Сокольниках. Очерк истории ИФЛИ – Московского института истории, философии и литературы имени Н.Г.Чернышевского (1931–1941). М., 1995. С. 13.

⁸⁵ Московский университет за 50 лет... С. 67, 69.

⁸⁶ Автобиографии. Архив П., ф. 1, ед. хр. 61, л. 9; ед. хр. 65, л. 2, 4.

⁸⁷ Московский университет за 50 лет... С. 67, 71.

⁸⁸ Там же. С. 70, 72.

⁸⁹ До Февральской революции 1917 г. Московский университет именовался «Императорский Московский университет». Между Февральской и Октябрьской революцией 1917 г. – «Московский университет». Когда точно (дата), каким и чьим решением из его названия было изъято слово «Императорский», неизвестно: в архивах таких документов пока не обнаружено. С октября 1917 г. по сентябрь 1930 г. – «1-й Московский государственный университет» (установлено по изданиям: Отчет 1 Московского государственного университета за 1917–1926 годы. М., 1920–1927. В отчете за 1919 г. употребляются два названия «Московский государственный объединенный университет» и «1 Московский государственный университет»). После приказа по Наркомпросу №387 от 12 сентября 1930 г. «О переименовании 1 Московского государственного университета» он стал называться «Московский государственный университет» (Бюллетень Народного комиссариата по просвещению РСФСР. 1930. №29. С. 17. Ст. 751). «20 октября 1932 г. университету присваивается имя М.Н.Покровского. Отныне и до 1937 г. он – «Московский государственный университет имени М.Н.Покровского» (Бюллетень Народного комиссариата по просвещению РСФСР. 1932. №61. С. 2. Ст. 851). В документах Всесоюзного Комитета по делам высшей школы это название сохранялось вплоть до 29 октября. Начиная с 11 ноября 1937 г. в документах используется уже название «Московский государственный университет» (Бюллетень Всесоюзного Комитета по делам высшей школы за 1937–1940 гг.). 7 мая 1940 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР университету присваивается имя М.В.Ломоносова и он стал именоваться «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова» (Сб. приказов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР. 1940. №9. С. 3).

⁹⁰ Уставы Российской академии наук. 1724–1999. М., 1999. С. 138.

⁹¹ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1991/1922–1952. М., 2000. С. 79.

⁹² Там же. С. 67.

⁹³ Там же. С. 62.

⁹⁴ Там же. С. 92.

⁹⁵ Реорганизация преподавания гуманитарных и общественных наук в высшей школе, в том числе и в Московском университете, началась сразу же после Октябрьской революции. В июле 1918 г. на совещании представителей высшей школы была принята резолюция об открытии в о всех университетах кафедры по изучению социализма. С 1919 г. было организовано чтение лекций по истории социализма. В Московском университете этот курс читал профессор В.П.Волгин. В марте 1921 г. вышло постановление СНК РСФСР «Об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших школах РСФСР» (Ленинские декреты: 1917–1922. Библиография. С. 383). По общественным наукам вводилось обязательное преподавание следующих предметов: развитие общественных форм, исторический материализм, история пролетарской революции, политический строй РСФСР, организация производства и распределения в РСФСР. 2 января 1925 г. ЦК ВКП(б) принимает постановление «Об общественном минимуме и пропаганде ленинизма в вузах» (Красная молодежь. 1925. №2). В этот минимум были включены такие предметы, как история классовой борьбы в России и на Западе с вводной частью о материалистическом понимании истории; Конституция СССР в связи с учением Ленина о государстве; политэкономия; история РКП(б) и основы ленинизма; советское хозяйство и советская экономическая политика; исторический материализм; хозяйственное трудовое право СССР; профдвижение. Объем курса составлял 342 часа. В 1928–29 уч. г. перечень изучаемых в вузах социально-экономических предметов был несколько сокращен, а сами предметы изучались в разных сочетаниях в зависимости от профиля факультетов. В 1935 г. в учебных планах физико-математических и химических факультетов предусматривались политэкономия, диалектический и исторический материализм, экономическая политика и ленинизм. В связи с выходом в свет в 1938 г. «Краткого курса истории ВКП(б)» («Правда», 14 ноября 1938 г.) в учебные планы всех вузов был введен курс «Основы марксизма-ленинизма».

⁹⁶ Архив П., ф. 2, ед. хр. 12.

⁹⁷ Архив П., ф. 1, ед. хр. 65, лл. 2,4; ед. хр. 61, л. 9.

⁹⁸ Касаткин В.Н. Из «Предварительных замечаний» // Архив МГУ, ф. 1, оп. 10, ед. хр. 1.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ «Ошибки и извращения при проведении реорганизации Московского университета в 1931 г. имели место и в организации учебно-методической работы со студентами. В начале 1930 г. лекции как основная форма занятий были заменены так называемым «активным методом» преподавания. Переход на этот метод преподавания в Московском университете частично произошел в конце 1930 г., а в массовом масштабе – с февраля 1931 г. Это нанесло серьезный ущерб делу подготовки высококвалифицированных кадров. Академические группы были разделены на бригады по 3–5 студентов, которые без систематического руководства квалифицированных преподавателей должны были заниматься изучением, «проработкой» учебных заданий. Этот «активный бригадно-лабораторный метод занятий» почти полностью ликвидировал лекционные курсы, читаемые крупными учеными. Чтение общих и специальных курсов было заменено вступительными лекциями к самостоятельной работе студенческих бригад, а экзамены и зачеты как индивидуальная форма оценки знаний студентов были заменены коллективным отчетом бригад о «проработке» ими учебных заданий. Творческий подъем, энтузиазм охвативший студентов, аспирантов и научных работников в годы первой пятилетки, некоторое время скрывал несостоятельность «бригадно-лабораторного метода» занятий. Но уже в первый год применения этого метода были отмечены серьезные недостатки в преподавании: слабое участие профессоров и преподавателей в учебной работе, низкая успеваемость студентов и т. д. Но эти недостатки сторонники «бригадно-лабораторного метода» объясняли якобы его новизной, неумением его применять, а не следствием порочности самой основы этой системы преподавания в целом» (Касаткин В.Н. Тезисы к докладу «Активные методы преподавания» на учебно-производственной конференции Хамовнического района г. Москвы // Архив МГУ, ф. 1, оп. 10, ед. хр. 1).

«В соответствии с переходом университета на «бригадно-лабораторный метод» были вновь пересоставлены программы и учебные планы отделений с расчетом на продолжительность обучения студентов 4–4,5 года. 50% времени по этим учебным планам уделялось на производственную практику. На работу с преподавателями отводилось менее 1/4 учебного времени. Такое распределение учебного времени не могло удовлетворять требованиям университетского образования, так как чрезмерно сокращалось время, отведенное на теоретическое обучение, и увеличивалось количество часов, необходимое для прохождения производственной практики. При этом производственная практика проводилась без достаточной теоретической подготовки студентов и поэтому не достигала цели» (История Московского университета... С. 119–120).

¹⁰² Структура 13 ведущих университетов РСФСР была очень близкой: МГУ им. М.Н.Покровского (факультеты физический, математики и механики, химический, биологический, почвенно-географический, исторический), ЛГУ им. А.С.Бубнова (физический, математики и механики, химический, биологический, геолого-почвенно-географический, исторический), Казанский ГУ им. В.И.Ульянова-Ленина (физико-математический, химический, биологический, геолого-почвенно-географический), Томский ГУ им. В.В.Куйбышева (физико-математический, химический, биологический, геолого-почвенно-географический), Воронежский ГУ (физико-математический, химический, биологический, географический), Саратовский ГУ им. Н.Г.Чернышевского (физико-математический, химический, биологический, геолого-почвенно-географический), Пермский ГУ им. А.М.Горького (физико-математический, химический, биологический, геологический), Свердловский ГУ (физико-математический, химический, геологический), Горьковский ГУ (физико-математический, химический, биологический), Восточно-Сибирский ГУ (физико-математический, химический, биологический, геолого-почвенно-географический), Дальневосточный ГУ (физико-математический, химический, востоковедения), Казанский ГУ (физико-математический, химический, биологический) (Университеты и научные учреждения... С. 9–10).

¹⁰³ Архив МГУ, ф. 1, оп. 10, ед. хр. 1.

¹⁰⁴ Из Докладной записки по вопросу о соединении Астрономо-геодезического института при МГУ и Астрофизического Института. 11.02.1931 // Архив МГУ, ф. 1, оп. 10, ед. хр. 1.

¹⁰⁵ С 1933 г. И.Г.Петровский – профессор Московского университета (Иван Георгиевич Петровский // Изд. АН СССР, 1957). Приказа за 1933 г. в Архиве МГУ найти не удалось, но в «Списках профессорско-преподавательского состава и научных работников за 1934 г.» (Архив МГУ, ф. 1, оп. 34, ед. хр. 168, л. 29) он указан как профессор кафедры анализа П. Штатный формуляр профес-

сорско-преподавательского персонала на 1947 г. указывает дату вступления И.Г.Петровского в должность профессора университета – 1934 г. (Архив МГУ, ф. 11, оп. 34, ед. хр. 425). С 1935 г. он – профессор кафедры дифференциальных уравнений механико-математического факультета (Архив МГУ, ф. 1, оп. 35, ед. хр. 5444, л. 48, 49).

¹⁰⁶ Директорство В.Н.Касаткина в МГУ заканчивается согласно приказу по Наркомпросу РСФСР 22 апреля 1934 г. При этом нарком просвещения А.С.Бубнов объявляет ему благодарность «за исключительно энергичную и плодотворную работу по улучшению всех сторон деятельности университета». 27 ноября В.Н.Касаткин приказом по МГУ освобождается от должности профессора по кафедре педагогики «в связи с назначением на другую работу с выездом из Москвы». Согласно исследованиям, проведенным С.Н.Корсаковым (рукопись «Василий Николаевич Касаткин»), сразу после окончания ректорства (июль) В.Н.Касаткин переходит на работу в НКП РСФСР, в декабре 1934 г. назначается зав. Саратовским краевым отделом народного образования, а в 1936–1937 гг. работает директором Горьковского педагогического института. Далее, до самой смерти, последовавшей в 1961 г., он занимает невысокие педагогические должности в различных учреждениях Москвы.

¹⁰⁷ Московский университет за 50 лет... С. 73.

¹⁰⁸ *Сергеев Е.М.* Московский университет. Взгляд сквозь годы. М., 1992. С. 42.

¹⁰⁹ Летопись Московского университета... С. 236.

¹¹⁰ *Сергеев Е.М.* Указ. соч. С. 73.

¹¹¹ Устав начинался с пункта «Цели и задачи» и включал в себя 10 разделов: I. Студенты; II. Организация учебной и научно-исследовательской работы; III. Кафедра; IV. Научно-педагогические кадры и учебно-вспомогательный персонал; V. Аспиранты; VI. Структура и руководство; VII. Общественные организации; VIII. Внутренний распорядок и дисциплина; IX. Имущество и средства Московского государственного университета; X. Порядок утверждения и изменения устава (Устав Московского государственного университета. М., 1939. Изд. стеклогр.)

¹¹² Там же. С. 1.

¹¹³ Там же. С. 30, статьи 43 и 45.

¹¹⁴ Там же. С. 30, статья 44.

¹¹⁵ Там же. С. 40, статья 78.

¹¹⁶ Московский университет за 50 лет... С. 73.

¹¹⁷ Устав Московского... университета. С. 12–13.

¹¹⁸ Московскому университету – 225. М., 1979. С. 97.

¹¹⁹ Проект устава и устав МГУ // Архив МГУ, ф. 1, оп. 28, россыпь.

¹²⁰ Приказ №205 от 7.09.1940 // Архив МГУ, ф. 1, оп. 34, ед. хр. 6962.

¹²¹ Приказ №252 от 4.10.1940 // Архив МГУ, ф. 1, оп. 34, ед. хр. 6962.

¹²² Приказ №119 от 29.05.1944 // Архив МГУ, ф. 1, оп. МГУ, ед. хр. 65, л. 133.

¹²³ Вторым кандидатом был профессор кафедры высшей алгебры Александр Геннадьевич Курош.

¹²⁴ В 1939 г. с поста декана ушел профессор кафедры математического анализа Л.А.Тумаркин. Исполняющим обязанности декана был назначен доцент кафедры теоретической механики Г.И.Двушерстов.

¹²⁵ Московскому университету – 225 лет... С. 90.

¹²⁶ Зав. кафедрами были: астрометрии – чл.-корр. С.Н.Блажко; астрофизики – акад. В.Г.Фесенков; аэродинамики – чл.-корр. В.В.Голубев; высшей алгебры – акад. О.Ю.Шмидт; высшей геометрии – чл.-корр. Б.Н.Делоне; гидромеханики – акад. Н.Е.Кочин; гравиметрии – проф. Л.В.Сорокин; дифференциальной геометрии – проф. В.Ф.Каган; дифференциальных уравнений – проф. В.В.Степанов; математического анализа – чл.-корр. А.О.Гельфонд; небесной механики – проф. Н.Д.Моисеев; теоретической механики – проф. Н.Н.Бухгольц; теории вероятностей – акад. А.Н.Колмогоров; теории упругости – чл.-корр. Л.С.Лейбензон; теории функций – чл.-корр. И.И.Привалов; топологии – чл.-корр. П.С.Александров; функционального анализа – проф. Л.А.Люстерник (Отчет о работе механико-математического факультета за 1940/41 уч. г. // Архив МГУ, ф.1, оп. 10, ед. хр. 771).

¹²⁷ Архив МГУ, ф. 1, оп. МГУ, ед. хр. 31.

¹²⁸ Приказ №19 от 18.01.1943 // Архив МГУ, ф. 1, оп. МГУ, ед. хр. 54.

¹²⁹ В тот же день ректором был назначен профессор исторического факультета И.С.Галкин,

который с декабря 1941 г. после слияния с Московским университетом МИФЛИ и воссоздания исторического факультета был назначен проректором МГУ по учебной части, заместителем ректора (с возложением на него обязанностей в эвакуации в Ашхабаде «исполнения обязанностей ректора университета во время отсутствия последнего», а затем уполномоченного Народного комиссариата просвещения РСФСР по перемещению университета в г. Свердловск и его эвакуации в Москву) (*Ремарчук В.В.* Ректоры Московского университета. М., 1996. С.197).

¹³⁰ Московский университет за 50 лет... С. 95.

¹³¹ Московский университет в Великой Отечественной войне. М., 1985. С.35: План эвакуации МГУ был составлен еще в марте 1941 г., т.е. за 2–2,5 месяца до начала войны.

¹³² Архив П., ф. 1, ед. хр. 62, л. 4, 7.

¹³³ Архив П., ф. 1, ед. хр. 62, л. 10.

¹³⁴ Архив П., ф. 1, ед. хр. 62, л. 14, 15.

¹³⁵ Архив МГУ, ф. 1, ф. МГУ, ед. хр. 59.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Архив МГУ, ф. 1, оп. МГУ, ед. хр. 61, л. 76.

¹³⁸ Летопись Московского университета. 1755–1979. М., 1979. С. 248.

¹³⁹ Московский университет и армия... С. 74.

¹⁴⁰ *Александров П.С.* Страницы автобиографии // УМН, 1980. Т. 35. № 3. с. 265.

¹⁴¹ Колмогоров в воспоминаниях. М., 1993. С. 475.

¹⁴² Архив П., ф. 1, ед. хр. 4.; письмо жене 29–30.11.1942.

¹⁴³ *Самарий Александрович Гальперн* (1904–1977). Окончил физико-математический факультет Московского университета (1924) и аспирантуру НИИММ под рук. И.И.Привалова. В МГУ с 1932 г.: доцент (1937), д-р физ.-мат. н. (1961), проф. кафедры дифференциальных уравнений (1967).

¹⁴⁴ Из письма зам. ректора МГУ И.С.Галкина и секретаря партбюро МГУ Пивоварова в Центральный Комитет К.П.(б) Туркмении, в СНК Туркмении: «Решением Союзного Правительства от 15 октября 1941 г. Московский ордена Ленина Государственный Университет был переведен для работы в столицу братской Туркменской республики – Ашхабад, с 1-го декабря 1941 г., после полуторамесячного вынужденного перерыва. Университет возобновил свои занятия. Истекшие семь месяцев работы Университета на новом месте показали, что основная задача, поставленная Союзным Правительством перед Университетом – не допустить длительного перерыва в работе Московского Университета на 188-м году его существования, сохранить его основные кадры – успешно выполнена.

Вывезенные из Москвы более 700 студентов напряженными занятиями наверстали упущенное из-за переезда время и сдали экзамены за истекший учебный год в большинстве своем с высокими качественными показателями. Особое же значение имеет, что предоставлена была возможность студентам выпускникам нормально закончить последний курс Университета, в результате чего в текущем году страна получает около 200 молодых специалистов – химиков, физиков, механиков, геологов и т.д.

Большое значение Московского Университета, как научно-исследовательского центра, общеизвестно. Поэтому большое государственное значение имело то обстоятельство, что около 300 профессоров, доцентов и научных работников Университета получили возможность вновь начать прерванную свою научно-исследовательскую работу. Профессорско-преподавательский коллектив, объединяемый 11 научно-исследовательскими институтами и 76 кафедрами 10 факультетов, работал над 291 исследовательскими темами и 52 учебными пособиями и монографиями. Из названного количества тем 37 являются темами засекреченного оборонного характера, 100 тем общегосударственного народно-хозяйственного значения, 133 темы – общетеоретического идеологического характера и 21 тема – местного, для Туркменской Республики народно-хозяйственного и культурного значения, около (цифра в оригинале не ясна. – *Е.И.*) ученых Университета включилась и эффективно работали над осуществлением плана научно-исследовательской работы Туркменского филиала Академии наук.

За время своей работы в Ашхабаде Московский Университете стремился всемерно выполнять свою политико-культурную и научно-просветительную миссию. В связи с этим достаточно сказать, что профессорами и доцентами МГУ за 7 месяцев было прочитано в воинских частях, госпиталях, на предприятиях и для партактива 1 070 лекций и научно-популярных докладов, с общим количеством слушателей, превышающим 140 000 человек.

Руководители кафедр, профессора и доценты Университета в меру возможного и осуществимого за короткий срок стремились помочь местным молодым научно-педагогическим кадрам в повышении своей научной и педагогической квалификации (обмен и передача опыта, научные консультации, помощь в подготовке защит диссертаций и т.п.

Нельзя, однако, скрыть того факта, что в новых условиях в Ашхабаде Московский Университет не смог развернуть свою работу на полную мощность. Такие непреодолимые и преодолемые обстоятельства, как, например, отсутствие электроточка и водопровода в учебном здании Университета и его подсобном аппарате (лаборатории, опытные мастерские), вынужденность ученых ходить пешком за 4–5 километров от квартир до Университета или лаборатории и т.п., не могли, разумеется, не сказаться на продуктивности работы.

В свете этого, а именно – предоставить возможность Московскому Университету работать на полную мощность и в части научно-исследовательской работы его 11 институтов, и в части возможности набора студентов – профессорско-преподавательский коллектив Университета и рассматривает решение ЦК ВКП (б) и СНК СССР о временном переводе МГУ в один из крупнейших промышленных центров РСФСР – гор. Свердловск.

Переезжая на новое место работы, прощаясь с гор. Ашхабадом, профессорско-преподавательский коллектив благодарит директивные органы Туркменской Республики за то внимание и заботы, которые оказаны были в деле размещения и содействия в разрешении нужд и запросов Университета. Само собой понятно, что при размещении и обслуживании почти 2-тысячного коллектива МГУ имели место отдельные случаи недопонимания и формального отношения отдельных работников и руководителей ведомств. Но наряду с этим парторганизация и профессорско-преподавательский коллектив МГУ отмечает серьезный государственно-политический подход при разрешении всех встававших вопросов со стороны руководящих директивных органов Туркменской Республики – ЦК КП (б) и СНКТ и в первую очередь Секретаря ЦК КП (б) т. Фонина.

От имени парторганизации профессорско-преподавательского коллектива МГУ, выражая т. Фонину благодарность за должное внимание и заботы к нуждам Московского Университета, парторганизация особо отмечает чуткое и товарищеское отношение и помощь Московскому Университету, проявленные с первых дней пребывания его в Ашхабаде со стороны секретаря Андреевского райкома партии т. Бунятова» (Архив МГУ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2026).

¹⁴⁵ Летопись... С. 251.

¹⁴⁶ Сахаров А.Д. Воспоминания. Т.1. М., 1997. С. 77–78.

¹⁴⁷ Протокол и стенограмма заседания Ученого совета МГУ 19–23.02.1943. Архив МГУ, ф. 1, оп. 4, ед. хр. 91.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же: «1. Поручить ВКВШ и Наркомату Путей Сообщения перевезти до 15 апреля с. г. из г. Свердловска в Москву всю эвакуированную туда часть МГУ в составе 360 профессоров, преподавателей и сотрудников университета, 500 членов их семей и 600 студентов и аспирантов и 12 вагонов оборудования. 2. Разрешить ВКВШ вызвать из других городов в Москву наиболее ценных деятелей и аспирантов МГУ для продолжения работы в университете. 3. Предложить ВКВШ внести изменения в Устав МГУ в соответствии с расширением его деятельности: предусмотреть в Уставе создание в системе университета новых гуманитарных факультетов и научно-исследовательских институтов при этих факультетах и новых отделений: «Международных сношений», «Восточной филологии» и «Истории Востока». Предусмотреть в Уставе расширение штатов руководящего органа МГУ – его ректората. 4. Установить на предстоящий 1943–44 учебный год расширенный контингент приема на 1 курс МГУ в 1500 человек и разрешить с 1.08.43 г. въезд в Москву всем отличникам школ, поступающим в МГУ. 8. Для выполнения научно-исследовательских работ по оборонной тематике и для более широкого использования в этой работе иностранного опыта увеличить ассигнования для фундаментальной библиотеки МГУ на приобретение иностранной литературы до 20 000 р. валюты. 10. Для улучшения материально-бытового положения студентов и работников университета передать МГУ совхоз НКТ «Красновидово» в Можайском районе со всем его оборудованием, семенами, живым и мертвым инвентарем и тягловой силой по балансу на 1.1.43 г. и предложить НКТ, НКЗ и Наркомсовхозов оказать содействие ОРСу МГУ по организации его подсобных хозяйств и закрытого распределителя и столовой. 12. Поручить Штатной комиссии СНК пересмотреть штатное расписание и ставки административно-техничес-

кого персонала МГУ, устранить имеющиеся в нем ненормальности, приравняв ставки МГУ к ставкам передовых научных учреждений Союза. 13. Разрешить ВКВШ при установлении штатов преподавательского персонала МГУ включить в штаты для усиления научной работы наиболее квалифицированных преподавателей без учебной нагрузки или с малой учебной нагрузкой».

¹⁵⁰ Приказ №120 от 21.05.1943 // Архив МГУ, ф. 1, оп. МГУ, ед. хр. 61. г. Свердловск.

¹⁵¹ Летопись... С. 255–256.

¹⁵² Там же. С. 257.

¹⁵³ Протокол и стенограмма заседания Ученого совета МГУ 19–23.02.1943 // Архив МГУ, ф. 1, оп. 4, ед. хр. 91.

¹⁵⁴ Приказ МГУ №241 от 30.08.1943 // Архив МГУ, ф.1 оп. МГУ ед. хр. 56.

¹⁵⁵ Приказ №119 от 29.05.1944 // Архив МГУ, ф. 1, оп. МГУ, ед. хр. 65.

¹⁵⁶ Владимиров В.С., Маркуш И.И. Владимир Андреевич Стеклов – ученый, организатор науки. М., 1981. С. 68.

¹⁵⁷ Колмогоров в воспоминаниях... С. 62.

¹⁵⁸ Сергеев Е.М. Взгляд сквозь годы... С. 191.

¹⁵⁹ Кондрашов В.Е., Софронов И.Д. Математическое моделирование при разработке ядерных зарядов // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. №4. С. 98.

¹⁶⁰ Там же. С. 97.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Приказ МГУ №29 от 25.12.1941, Ашхабад // Архив МГУ, ф. 1, оп. МГУ, ед. хр. 34, л.72.

¹⁶³ Приказ №49 от 7.03.1942 // Архив МГУ, ф. 1, оп. МГУ.

¹⁶⁴ Архив МГУ, ф. строительства новых зданий, ед. хр. 11.

¹⁶⁵ История Московского университета... С. 329.

¹⁶⁶ Приказ МГУ №28 от 21.01.1959 // Архив МГУ, ф. 1, оп. МГУ, ед. хр. 310.

¹⁶⁷ Симонов К.М. Глазами моего поколения. М., 1990. С. 127.

¹⁶⁸ Там же. С. 130, 145, 148.

¹⁶⁹ Московский университет за 50 лет... С. 715.

